

Шагапова Альбина Рафаиловна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Я не вижу твоего лица

Альбина Рафаиловна Шагапова

Я не вижу твоего лица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864396

SelfPub; 2020

Аннотация

Слепота, безобразные шрамы на лице и деспотичная мать, казалось бы, жизнь не оставила Алёне Вахрушкиной ни одного шанса на личное счастье. Но тихая и скромная девушка решается обмануть судьбу. Сможет ли она побороть свои страхи, найти место в жизни и встретить того, кто полюбит её такой, какая она есть? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	39
Глава 3	55
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Пролог

Яков знал, что Давиду не нравится играть блатняк. Вот только какое ему– Якову до этого дело? Кто платит, тот и заказывает музыку, а мнение музыкантов значение не имеет. И хрен с тем, что барабанщица, кстати, баба она ничего, грудастая и жопастая, кривится, как от запаха гнилой рыбы. Плевать на то, что бас гитаристка сжимает челюсти в бессильной злобе, да и в глазах самого Давидушки тоже вдохновения маловато, поёт так, будто бы мешки таскает, механически, без огонька. У Якова сегодня был поганый день, он устал, и к довершению всего случившегося, его бросила тёлка. И пусть она ему уже успела порядком надоесть, пусть секс с ней наскучил, и стоит ему – владельцу половины ларьков городка свистнуть, как в очередь выстроятся все местные крали, но сам факт, что его кинули, развели как лоха, грыз Яшку Богданова изнутри. И теперь его беспокойная душа требовала песен, мрачных, слезливых, но за жизнь, а ещё водки, много водки.

Очередная песня про тюрьму завершилась, и Яшка махнул рукой солисту, приглашая к столу. Яков внимательно следил за тем, как Давид осторожно пробирается к нему между столами, стараясь не задеть своим мощным телом посетителей, как в тёмно-зелёных глазах парня вспыхивает вопрос : « Ну, чего этому придурку от меня надо?», как разно-

цветные блики прыгают по широким покатым плечам, обтянутым белоснежной рубашкой, как ветерок, треплет чёрные, словно дёготь, волосы, выбившиеся из хвоста на затылке.

Давид всегда, сколько Яшка себя помнил, был примером для подражания, совершенством, которого никогда не достичь, другом, который всегда поддержит, поймёт, но и накостыляет, если посчитает нужным. Беспечное голозадое детство, дурное отрочество и бесшабашную юность они были неразлучны, но в то же время так непохожи, как соль и сахар, лёд и пламя, ангел и бес. И все вокруг удивлялись их тандему, их странной дружбе, все, но не они сами. И даже когда после выпускного вечера их пути разошлись, Яков твёрдо знал, что где-то там, в далёкой столице грызёт гранит науки его друг, настоящий, преданный и бескорыстный.

– У тебя хреновый вкус, брат, – сказал Давид без экивоков, отодвигая стул и садясь напротив.

– А что мне слушать, рок твой? – усмехнулся Яшка, опрокидывая в себя очередную стопку. – Нет, дружище, детство прошло, и нужно слушать серьёзные, жизненные песни, злободневные, так сказать. Посмотри вокруг, что ты видишь?

Владелец ларьков для большей убедительности обвёл зал рукой, а затем, привычным жестом почесал ёжик на затылке.

– Криминал, разборки, воровство и, как следствие, тюрьма. Вот о чём нужно петь, братишка, о том, что мы каждый день видим. Время сейчас такое, ничего не поделаешь.

– Времена меняются. Да и знаешь, не всем хочется слу-

шать грязь. Кому-то нужна любовь, кому-то мудрость, кому-то сказка. Вот мне о тюрьме, по понятным нам обоим причинам, не говорить не петь не хочется, так как едва сам за решётку не угодил. Если бы не твоя помощь...

– Да брось! В натуре, я сейчас, как тёлка покраснею. Забудь, брат, это не я тебе помог, а мои бабки. Я в тот момент вообще подумал, что ты откажешься, ломаться начнёшь, как целка. Капуста ведь не честным трудом заработана.

– Я что, по-твоему, совсем дурак? Принципы – это, конечно, вещь хорошая, но свобода милее.

От беспечной, мальчишеской белозубой улыбки друга, такой лёгкой, искренней, у Яшки защемило сердце, а на глаза выступили пьяные слёзы. Именно по вине приступов сентиментальности, он держал себя в рамках и не напивался в компании. Но сегодня можно, в присутствии Давида всё можно. Он не осудит ни пьяные слёзы, ни дебош, ни нудные истории о бывших бабах.

– Брат, да я ради тебя на всё готов!

Яшкин кулак ударил по пластиковой столешнице и рюмки подпрыгнули, грозясь упасть и разбиться. – Помнишь, как ты меня в третьем классе от бати в своём доме скрывал? А на комсомольском собрании, как вступился, когда все эти скоты, покупающие у меня джинсы, вдруг решили меня за фарцу из комсомола исключить и ментам сдать, помнишь? Что мне ещё сделать для тебя друг? Хочешь, ту бабу, что тебя подставила, и чью фотку ты хранишь, приволоку? Я сделаю

это, ты меня знаешь. Подставила человека, сучка, а сама на курорт приехала. Хочешь ей отомстить, брат?

Теперь Яшка сам себе напоминал беса-искусителя, толкающего человека на совершение греха. И эта роль неожиданно понравилась ему, ведь в нём всегда жила жажда справедливости, и никогда, ни при каких обстоятельствах Богданов не прощал обид, считая это слабостью и бесхребетностью. Обидчик должен быть наказан, и никак иначе!

– Откуда приволочёшь? – усмехнулся Давид. В голосе слышался металл. Как бы не крепился друг, воспоминания об этой девке причиняли ему боль. Значит, всё верно, проклятой белобрысой стерве нужно отомстить.

– Она в нашем городе, у соседей моих поселилась. Попрошу соседского сынка её сюда привести. Пусть выпьет, расслабится. А потом...

Яков видел, что друг колеблется, Поджатые губы, брови сведённые к переносице и хищный, зловещий зелёный огонёк в глазах, всё это выдавало процесс трудного выбора, между природной добротой и благородством и жаждой мщения за растоптанное самолюбие. Качались чаши весов, Яков прекрасно, отчётливо представил эти весы и мысленно подбадривал одну из чаш, чтобы та опустилась вниз.

– А ты ничего не путаешь?

Рука Давида потянулась к бутылке, и только это выдало в нём волнение. Взгляд же, остался спокойным и равнодушным, а голос ровным.

– Не путаю. Глаза косые, на щеках шрамы, это точно она, отвечаю! – теперь Яков шипел, перегнувшись через стол и гипнотизируя взглядом, сидящего за столом человека. – Давай, брат, действуй. Ментов, чтобы особо не рыли, я возьму на себя. Звякну своим ребятам, и дело в шляпе, притащат твою девку.

– Почему бы и нет? – Давид улыбнулся с безмятежностью сытого кота. – Действуй, только аккуратно, без насилия.

– Обижаешь, – Яков выдохнул с облегчением, отчего-то, он испугался, что перевесит другая чаша, но нет, Давид вновь не разочаровал. – Доставим в лучшем виде, как заграничный хрусталь не доставляли.

Глава 1

Утро, мглистое, душное, многоголосое, наполненное звуками скрипящих панцирных сеток, покашливанием, шлёпаньем тапок и шуршанием одежды обрушилось внезапно, разорвав в клочья робкую пелену накатившей дремоты, от чего тут же заломило в висках, а телом овладела противная лихорадочная дрожь.

Насыщенный неприятными событиями вчерашний день, бессонная ночь и рой беспокойных, болезненных, мрачных мыслей в голове сделали своё дело. И теперь, всё казалось нереальным, призрачным, словно за экраном чёрно-белого телевизора. Серый свет, льющийся из окна, размывал очертания предметов, растворял и поглощал другие краски. И запахи, очень много было в этой странной комнате запахов, гадких, чужих и от того – зловещих. Духи потного тела, нестиранного нижнего белья, пыли и плесени смешивались в один разноцветный клубок. И если закрыть глаза, то этот комок можно представить, серая нить смешивается с ядовито-жёлтой, коричневая сплетается с грязно-розовой, попутно обвивая тёмно-зелёную.

Не плакать! Только не плакать! И без того всю ночь проревела до боли в глазах. А ведь доктор предупреждал, что роговицу нужно беречь.

Пол, деревянный, грубо покрашенный коричневой крас-

кой, обжёг босые ступни холодом, и я, нащупав гору своей одежды на прикроватной тумбочке, принялась споро одеваться.

Так будет начинаться каждое моё утро, пронзительный звонок, извещающий о подъёме, резкий крик воспитательницы, торопливые сборы в сизых сумерках. А ведь я и не знала, что раньше, до всего этого, была счастлива. Разве не счастье просыпаться от поцелуя мамы и её нежного голоса, а потом идти к столу на запах лепёшек и малинового варенья? Вчерашний день преподал мне жестокий урок и показал, кто я есть на самом деле, моё истинное лицо. А ведь я так верила, так надеялась, так ждала! Считала дни, придумывала целые истории о новых друзьях и весёлых приключениях, о парне отзывчивом, нежном и понимающим меня без слов, погружаясь в них так глубоко, что меня было порой не дозваться.

Школьная суета, уроки и перемены, друзья и приятели, всё это будет и у меня. Как здорово! Как чудесно! Я обзаведусь весёлой смешливой подругой, познакомлюсь с классным парнем! Веря и не веря в своё, внезапно нахлынувшее счастье, я

крутилась возле сумок, собираемых мамой, злилась на её печальные вздохи и причитания, а в ночь перед отъездом ворочалась с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз. Сердце колотилось, не хватало воздуха и хотелось, чтобы ночная мгла поскорее рассеялась и настал день, день моей новой жизни.

Дорога длинная, муторная мне не запомнилась. В душ-

ном маленьком автобусе, что вёз нас с матерью до областного центра, подскакивающим на ухабах, пыхтя и воняя бензином, меня сморило, сказала бессонная ночь. Пятичасовая тряска в поезде на жёстких деревянных сидениях, вызвала лишь раздражение и лёгкую тошноту. И мне уже начинало казаться, что никакого места назначения вовсе нет. Что поезд так и будет тянуться неповоротливой зелёной змеей вдоль полей и деревенок.

Но вот, наконец, мы прибыли.

Здание школы-интерната для слепых и слабовидящих детей встретило шумом, запахом готовящегося обеда. Интернат оказался трёхэтажным. На первых двух этажах располагались классы, а на третьем – жилые комнаты. Ученики о чём-то переговаривались, смеялись, то и дело кто-то из учителей делал замечания, хлопали двери, стучали каблуки. И мне нестерпимо хотелось стать частью всего этого, так же смеяться, стоя в толпе девушек, спешить со звонком в класс, получать двойки, участвовать в школьной самодеятельности, влюбляться, разочаровываться, ссориться и мириться. Ведь мне всего семнадцать, и жизнь продолжается!

Классным руководителем и по совместительству воспитателем оказалась высокая грузная дама с зычным голосом. Я не могла видеть её лица, покалеченным глазам были доступны лишь очертания фигуры, да цвета. Классная дама вырядилась в красное, из чего я сделала вывод, что наставница-человек властный и резкий. В этом мне пришлось убедиться

через несколько минут, после краткого разговора.

– Как ты училась в своей старой школе?– прогрохотала она.

– Хорошо.

Собственный голос мне не понравился, слишком тонкий, слишком слабый. Грохот и габариты этой дамы внушали иррациональный страх, подавляли, заставляли чувствовать себя маленькой и ничтожной.

– Ручки ,я смотрю, у тебя холёные. Небось, тяжелее ложки ничего не поднимала. Мы это недоразумение исправим. У нас все ребята к труду приучены, сами и полы моют и в спальнях, и классах, и в туалетах. Учти, белоручек здесь шибко не любят.

– Что вы?! – вскрикнула мать. – Наталья Георгиевна, можно ли как-то освободить моего ребёнка от всего этого? Мы с папой после несчастья очень её берегли. Сами понимаем, операции, восстановительные периоды. Да и раньше, мы Алёну домашней работой не нагружали.

На этих словах голос мамы дрогнул и она разрыдалась. Жутко и неловко было слушать эти рыдания, тем более, успокаивать её никто не торопился.

– Ничего страшного, – раздельно, чеканя каждое слово проговорила наставница. – Этим детям выходить в жизнь. Вы же не собираетесь до старости подтирать своему ребёнку носик и держать под юбкой?

– Пожалуйста, приглядите за ней получше, она у меня та-

кая непутёвая.

От блеющего покорного голоса мамы по моей спине пробежали противные мурашки. Прямо здесь и сейчас мать предавала меня, отрекалась, отдавала на растерзание этой озлобленной жирной стерве.

Стерва раздражённо вздохнула и переключила своё внимание на меня.

– Поблажек не будет, и не надейся, – огромная ручища училки легла на плечо, властно, жёстко, с затаённой угрозой. Как же хотелось сбросить эту руку, избавиться от её давящей тяжести и неприятного, исходящего от неё тепла. – Не думай, что все вокруг бросятся тебя жалеть.

– Я и не нуждаюсь в поощрениях. С чего вы взяли, что мне необходима ваша жалость? – хотела ответить я, но смолчала. Язык прилип к нёбу, а колени подкосились от слабости.

Наверное, нам дано предвидеть будущее, почувствовать с начала знакомства, как сложатся отношения с тем или иным человеком. В тот момент, мне сразу стало ясно, что эта женщина постарается сделать всё возможное, чтобы отравить мне жизнь. Но мама, не оставляла попыток смягчить сердце классной дамы, и, не обращая внимания на мои тычки, во всей красе описывала наставницы всю мою ничтожность, обнажала все слабости, перемежая с милыми, в представлении мамочки, курьёзными историями.

Краснуха, как я её мысленно окрестила, презрительно хмыкала, многозначительно вздыхала и язвительно усмеха-

лась. И я чувствовала кожей волны неприязни и отвращения, исходившие от этой пожилой тётки.

– Не беспокойтесь, – отрезала, словно кривым грубым ножом училка, перебив речь матери на половине слова, давая тем самым понять, что разговор ей наскучил. – Нашей школе сорок лет, и мы знаем, как работать с такими детьми.

Мать обняла меня на прощание, дежурно, торопливо, словно стесняясь. В присутствии Краснухи мы обе ощутили какую-то неловкость, будто делали нечто неприличное. Оно же, это внезапно-нахлынувшее чувство стыда не дало нам договориться о звонках и письмах. Во сколько звонить отцу на работу? Сколько раз в месяц писать? Мать покинула меня поспешно, суетливо, а я осталась. И меня, словно острой спицей, пронзило чувством жалости, к себе, к матери. Захотелось броситься вслед за ней, вцепиться в колючую шерстяную кофту и заорать:

– Поехали отсюда! Не смей оставлять меня здесь!

Кто знает, может, если бы я так сделала, вернулась в свой городок, в маленькую однокомнатную хрущёвскую квартиру, в которой жила наша семья, состоящая из трёх человек, было бы лучше? Теперь я ругала себя за наивность, стыдилась своих глупых, детских мечтаний.

В классе пахло мелом, бумагой и нестиранными носками. Ребята поднялись, лишь только отворилась дверь, впуская Наталью Георгиевну и напуганную меня.

От моей нетерпеливой радости и предвкушения новых

впечатлений и знакомств, присущих всем подросткам, не осталось и следа. Я испытывала страх и ничего кроме страха. Скользкими щупальцами он обвивал и сжимал внутренности, растекался по венам жидким холодом, отчего меня потряхивало. Интуиция подсказывала мне, что сейчас, сию минуту произойдёт нечто ужасное, произойдёт то, что изменит мою жизнь, как тогда, в грязном, воняющем блевотиной, мочой и сигаретами подьезде.

Краснуха выволокла меня к доске, поставив перед всем классом. Сидящие за партами ученики застыли неподвижными пёстрыми горками. Как же тяжело жить без зрения! Я не видела выражения их лиц, не могла понять, что они думают, какие взгляды на меня кидают. Заинтересованные? Враждебные? Дружелюбные? Передо мной сидели размытые кучки, красные с синим, зелёные с жёлтым, белые и коричневые. Просто кучки, безликие, бесполые.

– В наш класс поступила новая девочка, – провозгласила Краснуха. – Её зовут Вахрушкина Алёна. И теперь, на нас с вами лежит большая ответственность – перевоспитание этого человека. Мы всем коллективом обязаны помочь ей.

Несколько кучек находящихся у окна гоготнуло, из чего я сделала вывод, что там сидят парни.

– Алёна совершенно не приспособлена к жизни, мать держала её в тепличных условиях. Представляете, девочка не умеет гладить одежду, мыть пол и даже трусики за неё всегда стирала мама. Подумать только, мама её моет в ванной,

боится, что драгоценное чадо поскользнется и упадёт.

Гогот со стороны окна усилился, а со стороны двери слышалось хихиканье, ехидное, злорадное, так могут смеяться только девушки.

В лицо бросилась краска, а в ушах раздался звон. Всё! Я раздавлена, я унижена! И ничего меня не спасёт. Ощущение безысходности обняло липкой волной, и немедленно захотелось упасть, забыться, исчезнуть.

– У Алёны часто воспаляется горлышко, – глумливый скрипучий голос Натальи Георгиевны врвался в уже, начинающее мутнеть, сознание и казался отвратительно- блестящим, как кухонный нож. – И потому, она всегда должна тепло одеваться. Мама дала ей несколько пар шерстяных носков и шерстяные рейтузы, чтобы попа не мёрзла. И теперь, мы все вместе должны следить, чтобы наша дорогая Вахрушкина всё это надевала во время прогулки и после купания.

Класс прыскал. Девушки презрительно хмыкали, парни дружно тянули:» У-у-у».

К горлу неумолимо подкатывала тошнота, и я уже с трудом сдерживала рвотные позывы. Голоса казались слишком громкими, пронзительными, свет слишком ярким, а запахи... Как же воняло! Невыносимо, нестерпимо! Борщом и гречневой кашей, носками, мокрой тряпкой, сладкими, тяжёлыми духами Натальи Георгиевны.

Медвежья услуга моей заботливой мамочки обернулась для меня катастрофой.

– А ещё, у Алёны склонность к запорам, и каждое утро ей перед завтраком нужно подавать стакан воды.

Дружный смех одноклассников ударил грубо, со всей силы. Сколько же всего в нём, в этом смехе было, хриплое злое карканье, бесстыдное хрюканье, глумливое подвывание, подобострастное попискивание Он словно селевой поток с комьями грязи, выдранными ветками и обломками разрушенных строений смёл меня, сбил с ног и накрыл с головой. Удара об пол я не почувствовала, лишь увидела, как мигнул прямоугольник люминесцентной лампы под потолком.

А потом была ватка, пропитанная вонючим нашатырём, долгий, мучительно долгий урок математики, который Краснуха вела вдохновенно и самозабвенно, мои жалкие потуги ответить хоть что-нибудь, усмешки одноклассников и каша в голове. На перемене меня окружили плотным кольцом. От ребят веяло неприязнью, желанием рвать, ломать и терзать жертву. Класс состоял из восьми человек, четыре девушки и четыре парня. И девятый член их обществу был вовсе ни к чему.

– А ну, покажи нам свои шерстяные рейтузы! – каркнула одна из девиц, широкая и грудастая. От неё исходил стойкий дух дешёвых сигарет и окровавленного нижнего белья.

Я попятилась, и тут же наткнулась спиной в чью-то грудь, тоже довольно объёмную. Позади меня захихикали тоненько и угодливо..

– Ленусь, она ко мне жмётся.

Ленуся хрюкнула, и тут же, её пальцы цапнули меня за запястье.

– Ты, принцеска хренова, – прошипела она мне в лицо гнилозубым прокуренным ртом. – С сегодняшнего дня, ты будешь делать всё, что я скажу. Скажу говно жрать – будешь жрать, скажу голой по школе ходить – ты раздеваешься и с улыбкой ходишь. Тебе понятно? И запомни, мамочки здесь нет. Поднимай юбку и показывай свои рейтузы!

Стою, похолодев от сковавшего меня ужаса. За что? Почему? Как спасти себя? Точно знаю, что нужно о чём-то говорить, что-то делать, не показывать своего страха, своей беспомощности. Но телом овладевает странный паралич, язык во рту немеет и становится неповоротливым. Боюсь? Да, боюсь!

Мысли путаются, словно цветные нити, ускользают, уплывают, не оставляя никакой зацепки, никакой надежды на спасение.

Неужели это происходит со мной? Слишком дико, чтобы быть реальностью. Пожалуйста, пусть всё окажется сном, нелепым кошмаром, который развеется с наступлением утра. А может, ребята шутят? Проверяют меня на прочность, на стрессоустойчивость?

– Ты глухая?! – наклонившись надо мной, орёт в самое ухо Ленуся, и я вижу её лицо красное, с широкими густыми

бровями. Нос огромный, толстый, а глаза узкие, словно две борозды.

Все ждут. Я тоже жду спасительной трели звонка на урок, появления учителя, землетрясения, пожара, потопа, чего угодно, лишь бы всё это поскорее прекратилось.

– Ну что ж, – вздыхает Ленуся с деланным сожалением. – Придётся тебя проучить. Ребята, подержите-ка её!

Чьи-то руки хватают меня, и я быюсь, как пойманная в сеть рыба:

– Отстаньте! Уберите руки! Что вы делаете?

Мой голос растворяется во всеобщем гоготе. Жертва попалась, она беспомощна и обречена. Она полностью в их власти.

Тёмно зелёные стены коридора, холодный, равнодушный свет ламп, тошнотворный запах гречневой каши и кривляющиеся, размытые фигуры моих одноклассников. Меня валят на пол, удерживая за руки. Ленуся стягивает с меня колготки и юбку. Дёргаю ногами, но руки ещё одной девахи, больно хватают за ступню,. Слышу, как с треском разрываются трусики. Обнажённые ягодицы ощущают прохладу и шероховатость деревянного пола.

Гогот становится громче, а толпа больше. На шум сбегаются ученики других классов.

Я реву, пытаясь подняться. Меня отпускают. Встаю босыми ногами на пол, ощущая, насколько он липкий и пыльный. Пытаюсь выхватить свои вещи из рук Ленуси, но они уже ле-

тят в сторону толстого парня, тянусь к нему , но он кидает несчастный комок девахе с тонким голосом и белыми кудряшками. Та передаёт пас двум длинным парням, которые безгласно отшвыривают мою одежду в сторону долговязой девицы в спортивном костюме. Девица тоже кому-то кидает. Я бегаю от одного мучителя к другому, понимая, что своей беготнёй в костюме Евы, ещё больше распаляю их азарт.

Сил больше нет, и я устало и обречённо опускаюсь на пол. Меня толкают, заставляя подняться, машут перед лицом разорванными колготками и помятой юбкой, рыгают, гримасничают и улюлюкают. Но я, закрываюсь, ухожу от них в свой тёмно-зелёный мир, где пахнет хвоей, журчит ручей и чирикают птицы. Меня нет.

Потянулся мучительный, нескончаемый день. Отвратительный обед в переполненной людьми и стуком ложек столовой, мои тщетные попытки что-то проглотить, прогулка в сопровождении Краснухи под мелким серым сентябрьским дождём, терпкий печальный запах палой листвы и пронизывающий ветер. Самоподготовка в душном классе, стук брайлевских приборов, шелест книжных страниц, гудение неисправных ламп. Просмотр бразильского сериала в комнате отдыха, запах пота, восклицания воспитательниц – грубоватых громкоголосых тёток, голубое свечение пузатого телевизора в сгустившихся осенних влажных сумерках, чьи-то головы и спины перед экраном. Я сижу в углу, и могу лишь слышать о том, что происходит в далёкой Бразилии. Бруно на-

много старше Луаны, разве может быть любовь между ними? Неужели такое возможно, чтобы взрослый мужчина влюбился в молодую девчонку? О чём им говорить? Нет, такое может происходить только в кино. Лучшие места заняты Ленушей и теми, кого она приблизила к себе. Ужин, состоящий из молочного супа со скользкими слипшимися комьями макарон и остывшего киселя с противной плёнкой. Вновь не могу ничего проглотить. Пищевод сжимается, стоит лишь прикоснуться ложкой к языку. Хочу домой, нестерпимо, безумно. Хочу в нашу маленькую, но уютную квартирку с жёлтыми шторами и обоями в розовый цветочек. Туда, где горит настольная лампа, где читает газету отец, во всю матеря Ельцина, где напевает мама, штопая носки.

Вновь прогулка после ужина. Школьный двор наполнен голосами. Малыши бегают, кидают друг другу мяч, старшеклассники собираются в беседках, смеются, слушают музыку. Из динамиков магнитол доносятся песни про лодочника, которого обещают убить, про ладошки и о ветре, который с моря дул. Вдыхаю влажный воздух сентября, ловлю щеками мелкие дождевые капли, и они смешиваются с моими собственными слезами. Одиночество кажется мне таким же чёрным, как и небо над посёлком, и таким же острым, как запах увядающей природы.

– Прошу прощения.

В мою спину ударилось что-то большое и тяжёлое, едва не сбив с ног. Я обернулась. Напротив меня стояла Соня. Гос-

поди! Моя Соня! Своим глазам я уже давно не доверяла, но как тут ошибиться? Густая яркая копна рыжих волос, чёрные очки в зелёной оправе и массивные пластмассовые серьги – сердечки.

– Сонька, – прошептала я, боясь поверить. Улыбка сама собой растягивалась от уха до уха.

– Ты и есть та самая новенькая? – девчонка задорно махнула своей густой огненной гривой. Она узнала меня по голосу, значит, не забыла, значит, моя скромная персона задержалась в её, как Сонька сама утверждала, куриной памяти.

Как же счастливы мы были тогда в стенах областной больницы. Хотя не так, счастливой себя чувствовала я, Соня же всё происходящее, наверняка, считала обычным эпизодом своей жизни. Я проходила плановое лечение, Соню привезли с воспалением глазницы. И в первые дни её пребывания в больнице, она молча лежала на своей койке, поскуливая от боли. Но после нескольких уколов антибиотика, девчонка начала интересоваться окружающим миром, в том числе и мной. Моя койка находилась возле окна, ее – у двери. В палате постоянно плакал грудной ребёнок со смешным именем Вадик, и его нервная мамаша шипела на нас сквозь зубы. Вот только нам с Сонькой было на это глубоко наплевать. Мы хохотали, сочиняли юмористические стишки и слушали аудио книги, полученные Соней в библиотеке общества слепых. Благодаря моей милой Соне, я открыла для себя

жанр «любовные романы». Я с головой погружалась в судьбы Скарлет Охара, Анжелики, Катрин и Джейн Эйр. До той поры мне приходилось читать то, что привозил из библиотеки отец, строго руководствуясь списком, составленным мамой. Я довольствовалась энциклопедиями, под которые засыпала, биографиями известных людей в датах и цифрах, и поэзией, наводящей меланхолию. Продвинутая Соня прочла мне лекцию о музыкальных направлениях, она часто читала мне лекции обо всём на свете, о том, что было закрыто для меня, по причине изоляции. Я всей душой влюбилась в рок музыку, а в частности, в группу «Ария». Мы могли подолгу лежать на одной кровати, слушая плеер. Один наушник у меня, другой – у Сони. Плёнку зажёвывало, она скручивалась, и мы, вытащив её, расправляли коричневые блестящие ленты. Замирало сердце от голоса Валерия Кипелова, от, мудрых, призывающих к борьбе песен, будоражащей кровь музыки.

– Ты в каком классе учишься?– выдавила я, и тут же отругала себя. Чёрт! Ни о чём другом больше спросить не могла? Курица! Как есть, тупая, бесхребетная, тормознутая курица! Кому будет интересно общаться со мной? Это же Соня! С ней нужно болтать, рассуждать, быть интересным человеком, ну на худой конец той, кого она знала в больнице. Но то ли от радости, то ли от страха, что и она отвернётся от меня, в голове воцарился кавардак. Мысли, словно разноцветные лоскуты ткани, пёстрой бесформенной кучей громоздились в голове, никак не оформляясь во что-то целое.

За годы своего затворничества я одичала, разучилась непринуждённо болтать со сверстниками. Мало того, теперь они казались мне старше и умнее, себя же я ощущала маленькой девочкой, беспомощной, а сейчас и покинутой. Тот роковой вечер в Юлькином подъезде перевернул, изуродовал, разодрал в клочья мою жизнь, омерзительной демаркационной чертой грубой и жирной разделил её на до и после. Он изменил меня как-то сразу, без переходов, без подготовки. Вошла в проклятый подъезд одним человеком, а была вынесена – другим. И вот теперь стояла перед рыжей смешливой девчонкой, такой же, как я сама и боялась показаться глупой, неинтересной. Слова приходилось выдавливать, как засохшую зубную пасту из тюбика, от чего становилось мучительно стыдно.

Но Соне, вопреки моим опасениям, вопрос дурацким не показался.

– В двенадцатом, – ответила она беспечно. – Ох, и утомительно сидеть в школе до двадцати лет. Мои ровесники – уже студенты, а я всё за партой сижу. Чёртова растянутая программа! Двенадцатый класс! С ума сойти. Кому из зрячих скажу – удивляются. А ты в девятый пришла, я знаю. Ну, и как тебе у нас?

Соня всегда была многословной. Говорила много, весело, возбуждённо. И я заражалась этой её энергией.

Я поморщилась, но вовремя вспомнила, что Соня не видит моих гримас.

– Отвратительно. Не думала, что будет так.

– Ага, – хохотнула девчонка. – Ты, наверное, другого ожидала? Бедные слепые детишки, собранные в специальной школе. Добрые, понимающие, мудрые не по годам, ведь их объединяет общий недуг, общая боль. Сидят целыми днями за своими книжками, щупают точки, а в перерывах между чтением и походами в туалет играют на музыкальных инструментах. Ведь все слепые – прирождённые музыканты.

В лицо удушливой волной бросилась краска. Примерно так я всё и представляла.

– Слушай, чего мы тут рядом с воспиталками, как лохушки стоим. Пойдем, покурим что ли.

Соня потянула меня к зарослям какого-то кустарника темнеющего впереди. Её трость бодро постукивала по мокрому асфальту. И я восхитилась тем, насколько легко Сонька двигалась. Скорее всего, курила в этих кустах не раз.

– Таких, как мы с тобой, по правде говоря, здесь не так уж много, – заговорила Соня, глубоко затягиваясь. К запаху палой листвы и мокрой почвы примешался густой, горьковатый дух табака.

– В этой школе собраны все подряд. Сироты, у которых зрение не такое уж и низкое, ну дальность там, близорукость. С их глазками и в обычной школе учиться можно. Их сюда из детских домов свозят, чтобы меньше ртов кормить. А ещё, в нашей альма-матери томятся хулиганы, стоящие на учёте в детской комнате милиции, и все те, кого в

обычные школы не взяли, кто не может справиться с программой, не усваивает её и всё тут. Заботливым родителям в специализированные школы своих детей отдавать стыдно, да и какие дипломы они там получают? А здесь и не стыдно, и программа, как нормальной школе, ну если только слегка растянутая. Выучатся, получают зелёную корочку и пойдут в ПТУ.

Голос Сони звучал холодно, звонко, словно кусочки льда в стакане, что выдавало в ней сильную, уверенную в себе личность. Таких людей я всегда немного побаивалась, они давили на меня своей холодной энергией ледяным спокойствием и непрекаемостью тона, но в то же время и восхищалась ими.

– А Ленуся? – спросила я, понизив голос. Кто знает, может, она где-то тут, по близости на перекур остановилась.

– Ленка Сундукова была исключена из трёх школ подряд за неуспеваемость и хулиганство. Но директриса нашего интерната – подруга её тётки. Вот это чудо к нам в посёлок из областного центра и привезли. Здесь же, Сундукова считается королевой школы, встречается с внуком директрисы. Ох, и стерва же она. Училки и воспитки ни с Лапшовым младшим, ни с Ленкой лишний раз не связываются, боятся, уж очень директриса любит своего внука, а работы в посёлке нет. Вот учителя за свои места и держаться. Здесь и огород, и столовая, из которой можно продукты вынести. У педагогов тоже дети есть, и они кушать хотят. А на то, что нам вме-

сто мяса дают требуху, кашу варят на воде, а вместо салата кидают кусочек морковки, всем наплевать. Не жрать же мы сюда приехали, верно? Ну да хрен с ними со всеми, главное – от Ленки и её Егора подальше держись. Хотя, их компашка считается элитой школы. Ещё бы, Лапшов в местной группировке состоит, Ленка- его тёлка, как он сам её называет, Надька Казакова- дочь какого-то барыги. Я не вижу, но говорят, у неё самые модные шмотки. Так что каждому хочется к их компании примкнуть, музон с ними послушать, выпить или травки курнуть за их счёт, разумеется, видак вместе с ними посмотреть.

– А что бабушка пускает к себе друзей своего внука?

– Нет, конечно! Лапшов приносит и видак и кассеты. Избранные, после отбоя, собираются в комнате отдыха, запираются там и смотрят, и боевики, и ужасы, и порнуху. Какой-то кошмар, скажу я тебе, все нашей элите в рот смотрят, чтобы это право заслужить, подлизываются, боятся. А ведь, по сути кто они? Быдло! И ни какая не элита.

Каждое слово Сони било по голове маленьким, но увесистым молоточком, делая меня ещё ниже, ещё ничтожнее. Как же я мало знала о жизни? Хотя, к чему себя обманывать? Я не знала о ней ничего! И вот теперь, слушая рассказ о месте, куда прибыла учиться, удивлялась и недоумевала, чувствуя себя дикарём, появившимся из далёкой отсталой африканской страны.

– А сама ты их не боишься?

– Вот ещё! Чего мне бояться? – Соня вновь чиркнула зажигалкой, и робкий рыжий огонёк осветил часть её лица. – Учимся мы в разных классах, живу я не в интернате, а у бабушки. Сюда по вечерам прихожу на фоно играть, хочу в Курское музыкальное училище поступить. Так что местные склоки и интриги меня не интересуют. Год пройдёт, и я распрощаюсь со всем этим дерьмом.

Я позавидовала этой независимой, смелой девчонке и тут же обрадовалась. Мы снова вместе, как тогда, в больнице. Сонечка, милая, моё солнце, мой такой краткий, но свежий и живительный глоток свежего воздуха! С каким же нетерпением я ждала твоего письма, как перечитывала заветные строки, касаясь выпуклых точек пальцами. Но теперь ты здесь, под этим сырым чёрным небом, под золотистыми кронами тополей, на расстоянии руки от меня. Только не исчезни, моя дорогая подруга, не окажись сном!

Словно отвечая на мои мысли, Соня заговорила. И с начала, купаясь в эйфории, прибывая мыслями в больничной палате, до меня не дошёл смысл её слов. А когда всё же её слова достигли моего сознания, я ощутила пустоту, такую чёрную, сосущую и болезненную, что невольно схватилась за живот.

– Подругами мы с тобой не станем, ты уж извини, – всё с той же беспечностью произнесла она. – Зачем привязываться к тому, с кем вскоре расстанешься? Да и видится, мы будем редко, сама понимаешь. Но если понадобится помощь, можешь обращаться.

Она ушла, постукивая своей тростью, а я так и осталась стоять вдыхая воздух, продолжавший хранить запах её сигареты. А ведь Соня, с момента нашего с ней знакомства была моей путеводной звездой. Одна лишь мысль о том, что где-то живёт весёлая рыжая девчонка, придавала мне сил, не позволяя скатиться в бездну отчаяния. Засыпая, я представляла, как мы вновь встретимся, что скажем друг другу, куда направимся. А теперь у меня никого не осталось, исчезла звезда, свет которой вёл бы меня сквозь мрак. Наверное, одиночество – мой рок, моя судьба. Навсегда одна, всем чужая, никому не нужная, кроме родителей. Когда-то, такое уже происходило со мной. Первая моя подруга так же отвернулась от меня. Мы сидели с ней за одной партой, налегали на учёбу, хотели быть лучшими в классе. «Не пить, не курить и с мальчишкой не дружить» – так звучал наш девиз. Мы верили в то, что нас ждёт большое будущее, великие открытия и свершения. Мы учились, посещали кружки и купались в похвале родителей и учителей, с гордостью нося пионерский галстук. Но после того, что случилось Юлька оказалась одной из первых, кто покинул меня, просто перестала заходить. Больше не было посиделок за чаем с лепёшками и малиновым вареньем, не было шептания в моём углу за цветастой шторкой и прогулок в сквере за домом не было тоже. Другие ребята – одноклассники и дворовые товарищи по играм так же незаметно исчезли из моей жизни. И вокруг меня образовался вакуум. А потом, от меня отказались и школьные учителя.

Как-то вечером, в нашей квартирке появилась завуч Полина Дмитриевна – в общем-то, довольно неплохая тётка, спокойная, справедливая, без стервозных замашек, присутствующих женщинам, получившим высокую должность.

Полина вошла решительно, не стала садиться и отказалась разделить с нами ужин.

– Вот что, Татьяна, – начала она без обиняков. – Отправляй-ка свою дочь в интернат, мои девчонки ходить к ней отказываются.

– Как отказываются?! – отец вскочил с дивана, отшвырнув газету. – Да вы что, в своей школе, сдурели совсем?! Пять лет, значит, приходили к нам, учили, а тут – отказываются! Разве мы вас обидели чем? Да моя Алёнка – ангел, все задания выполняет, сама этот хренов шрифт Брайля изучила.

– А ты, Николай, не ори, – усмирила его Полина Дмитриевна.

И отец, как двадцать лет тому назад, покорно опустился на своё место.

– Вы знаете, как я к вам отношусь, – продолжала завуч. – Вас обоих выучила, и дочь вашу продолжала бы учить, коли не эта перестройка проклятая.

– Причём тут перестройка, господи! – вскрикнула мама, плюхаясь на диван рядом с отцом.

– А при том, – Полина повысила голос, как обычно она делала это в школе, ругая хулиганов и двоечников. – вот тебе, Николай, чем на ликероводочном платят? Водкой! И что

ты делаешь? Едешь в областной центр, приходишь на вокзал, ждёшь поезда и продаёшь. Деньги не великие, но жить можно. А ты, Тань, когда швейную фабрику закрыли, как выкрутилась? Вынесла из цеха машинку и отрезы тканей, а теперь шьёшь на заказ, и тебе то картошки, то муки принесут. А мы учителя ничего ни продать, ни обменять не можем. Несём разумное, светлое, вечное, потом бежим подьезды мыть да в палатках стоять штанами торговать. Вот, ей богу, нет ни у кого ни времени, ни сил на вашу Алёнку. Отправляйте в интернат, так будет правильнее. Она ведь молодая, ей общаться со сверстниками надо. Что же ей, всю жизнь оставшуюся подле вас сидеть?

В тот момент мне показалось, что на меня обрушился ливень, живой, по-весеннему юный, оздоравливающий и бодрящий. Он расколол ледяные, неповоротливые уродливые глыбы тоски и отчаяния в моей душе, растопил снега смирения. Быть как все, отвечать у доски, смеяться на переменах в кругу одноклассников, делиться секретами с лучшей подружкой, влюбиться в какого-нибудь парня и ждать от него знаков внимания. Просто жить, как живут обычные девчонки моего возраста. Живут и не понимают, насколько они счастливы. А ещё, я надеялась встретить Соню. Найти её и извиниться за то, что перестала отвечать на её письма. Рассказать, что выбора у меня не было, ведь лучше и вовсе не писать, чем зачитывать её письма родителям, а потом и ответы свои тоже зачитывать. Ведь они – родители, так мно-

го для меня сделали, и оскорблять их своим недоверием и скрытностью я просто не имею права. Какие у меня могут быть от них секреты? От тех, кто самоотверженно боролся за моё здоровье, кто отдавал ради меня всё, что у них было, кто во имя меня во всём себе отказывал? Мои мама и папа принесли себя в жертву мне, а любая жертва должна быть вознаграждена. И чем она больше, тем щедрее обязана быть награда.

Отделенная от родительского ложа цветастой шторкой, я жадно прислушивалась к шёпоту отца и матери.

– Как же я её отправлю?– едва сдерживая слезы, говорила мама. – Брошу среди чужих людей?

– Ей нужно получать образование, – в очередной раз твердил отец. – Мы не вечные.

– Да о чём ты, Коля? – голос матери срывался и становился сиплым. – Она- мой ребёнок! Только я смогу её защитить, убереечь. А если она простудится? Если порежется, если упадёт. Ты же видишь, какой я ей уход обеспечила, чай в кружку сама наливаю, мою её, на улицу вывожу. Да она со мной, как у Христа за пазухой. А там что? Кто будет так о ней заботиться?

– А помрём мы? Ей ведь дальше жить. А она, Тань, даже яичницу приготовить не в состоянии, носки свои постирать! А ведь ей скоро семнадцать. Кобыла уже!

– А кто сделал меня такой беспомощной? – пронеслось в голове.– Кто с упорством, с особым старанием взращивал

во мне страхи, мелкие, бытовые, и от того, противные и постыдные?

Ножом я могла порезаться, иглой- уколотся, утюгом – обжечься. Все мои вялые попытки проявить самостоятельность оканчивались мамиными слезами и затяжной обидой дня на три.

– Ты мой ребёнок, – голос матери щедро пропитанный горечью и скорбью в такие дни звучал глухо, словно она говорила в подушку. – Не могу понять, почему тебе так противна моя забота? Неужели я не достойна твоей любви? Что мне ещё сделать для тебя?

Слово «ещё» звучало ершисто и неприятно кололо куда-то под диафрагму. А мутная густая, будто болотная жижа, скорбь материнского голоса, душила и нагоняла такую тоску, безысходность и отвращение к себе – неблагодарной твари, что хотелось плакать и умолять о прощении. Так я и делала. И меня прощали, предварительно прочитав лекцию о долге родителя и долге ребёнка.

– Она – больной ребёнок! – вскрикнула мать, больше не боясь меня разбудить. И было в этом крике что-то безумное, отчаянное. – Она без меня не сможет.

Лежать и покорно ожидать своей участи с каждой секундой становилось невыносимо. Мать вполне могла убедить отца, она всегда это делала. С начала увещевала, потом кричала, ну а после в бой вступала тяжёлая артиллерия – мамины слёзы, пред которыми отец объявлял о полной капитуляции.

Нет, нужно было срочно брать инициативу в свои руки.

– А я хочу в интернат, – заявила я, отодвигая шторку. – Прекратите считать меня своим домашним питомцем! Я – человек, и как любому человеку мне необходимо общение, нормальное образование. Мне хочется жить, а не существовать!

Сказала и тут же похолодела от страха и накотившего чувства вины, сырого, липкого, словно подвальный воздух.

– Коля! – мать перешла на ультразвук, а сосед возмущённо застучал по стене, призывая к порядку. – Ты слышишь, что она говорит? Ей с нами плохо, она не живёт, а существует! Да сколько я слёз пролила, сколько больниц объездила, да мы все деньги на твоё лечение отдаём, чтобы ты в конец не ослепла. И на тебе – благодарность!

Рыдания отчаянные, напоминающие скрежет ржавых пружин заглушило дробь дождя по крыше, и монотонную болтовню соседского телевизора, и шум листвы, потревоженной ветром.

Сердце упало в живот и болезненно там запульсировало. Господи, да что такое на меня нашло? Как я посмела сказать такое родителям – самым близким, самым дорогим людям. Да не нужна мне эта школа, к дьяволу доску, перемены, подруг.

– До чего ты мать довела, тварь неблагодарная! – отец соскочил с дивана, тот жалобно всхлипнул. Отцовская грозная фигура нависла надо мной, и во тьме напомнила могильный

крест, кривой, наспех сколоченный, почерневший от сырости и оттого – зловещий.

– Безжалостное чудовище! Да ты без нас сдохнешь! – закрипел он. И в этом скрипе старого дерева, слышалось всё раздражение, всё отвращение и разочарование, накопленное за эти годы.

Мне стало страшно, и я забила в угол. Отец приближался, неумолимо, стремительно. Я молчала, ожидая заслуженной кары. Чувство вины перед матерью нестерпимо жгло. Какой же гадкой и жалкой я ощущала себя в тот момент! Мне хотелось кинуться к матери, попросить прощения, почувствовать на своём затылке тепло её руки. Но как обойти отца? Да и как это всегда бывало со мной в страшные моменты моей жизни, тело моё отказалось двигаться. Любил ли меня отец? Дать однозначный ответ на этот вопрос я всегда затруднялась. Наверное, всё же любил когда-то, когда мои глаза были здоровы, когда я не причиняла родителям столько проблем. Может, отцу хотелось мной гордиться, может, он ждал от меня достижений и свершений, но после того, что случилось, поставил на мне жирный крест. Он чувствовал себя разочарованным, обманутым, и оттого, любое моё слово, любое действие вызывало в родителе раздражение.

– Она растёт эгоисткой. – возмущённо произносил он, если я, набравшись смелости, решалась о чём-то попросить. – Никак не хочет понять, что мы едва сводим концы с концами.

Мне тут же становилось неловко, я густо покраснела, ведь родители и без того, так много для меня делают.

– Она испорчена, – как-то заявил отец, когда я заказала ему привести из библиотеки какой-нибудь любовный роман, и тут же принялся утишать мать, уверять её в том, что она не в чём не виновата, просто их ребёнок оказался с червоточинной, ведь в семье не без уroda.

Я занимала много места, на меня уходило много денег, я громко разговаривала и много ела. Меня было слишком много в его жизни. В их с матерью жизни.

Отец читал долгие и нудные нравоучения, мать защищала и зацеловывала. Отец проявлял недовольство каждым моим шагом, мать – называла больным ребёнком и жалела, стараясь всё сделать за меня. Отец сравнивал с детьми своих коллег и друзей, мать – плакала и говорила, что будет нести свой крест до конца. Они бурно ссорились по поводу моего воспитания, а потом, где-то недели на две в квартире воцарялась тягостная обстановка. Как же это ужасно, как тяжело быть центром чьей-то вселенной! Ты не ощущаешь себя личностью с собственными желаниями, мечтами, тайнами. Ты- причина, ты- повод, ты- объект удушающей родительской любви, на грани безумия.

Все разговоры, все перепалки, все планы моих родителей крутились вокруг меня и моего лечения. Казалось, что кроме моей персоны обсудить им было нечего. Порой, мне думалось, что и живут они рядом друг с другом только ради ме-

ня. В их отношениях не было нежности, романтики. Мама и папа, словно бы стыдились проявления чувств друг к другу. Держались холодно, отстранённо, словно коллеги по работе, объединённые лишь общим делом. Свой старенький всхлипывающий диван делили стыдясь присутствия друг друга. Мать перед сном натягивала длинную плотную ночнушку, с завязками у горла. Отец облачался в пижаму. По тому, когда Соня познакомила меня с любовными романами, я была удивлена и напугана. И мысль о том, что делаю нечто нехорошее, слушая о любви Катрин и Арно, преследовала, будоражила и мучила чувством вины перед родителями.

Хлёсткая пощёчина обожгла левую сторону лица. Перед глазами вспыхнули жёлтые звёзды. Мои зубы клацнули, прикусив кончик языка. Во рту разлился солоноватый вкус крови.

– Ты поедешь в свой интернат, раз тебе так хочется, – прошипел отец, и шёпот его был так же чёрен, как и ночная мгла, наполнявшая нашу комнату. – Но не смей ныть и жаловаться.

Ночь. Розоватый свет уличного фонаря растекается по заплаканным оконным стёклам, отражается на полированной дверце большого шкафа, размазывается по белому постельному белью, стоящих в два ряда кроватей. В воздухе стойко застыл запах кишечных газов, несвежего белья и женских дней. Сопение, храп и бессвязное бормотание. Мучительно хочется спать, погрузиться в спасительное небытие, чёр-

ное, мягкое, словно бархат. Но стоит забыться, как всё тело вздрагивает, будто от толчка, и я вновь вынырываю на поверхность, в отвратительную, ненавистную реальность. А в голове набатом звучат слова Ленуси:

– Спи спокойно, Рейтуза, так уж и быть. Но с завтрашнего дня у тебя начнётся весёленькая жизнь. Правильно говорю, бабцы?

– Позвонить отцу, завтра же! Всё, хватит с меня самостоятельности, наигралась! – твержу себе, немного успокаиваясь, но потом вспоминаю, насколько трудно будет это сделать. Пока я объясню, кто я такая и по какой причине звоню, пока разыщут отца, пока он дойдёт из своего цеха, пройдёт целая вечность. А висеть на телефоне мне никто не позволит. Восьмёрка- удовольствие дорогое.

Подушка кажется твёрдой и неудобной, воздух непригодным для дыхания, а завтрашний день ... Ох! Лучше бы он вообще не наступал!

Глава 2

Гривы золотых клёнов и тополей, облитые густым предзакатным солнечным светом, бесстыдно и нагло полыхали на фоне ослепительно- синего неба. Осень, празднично-нарядная, пропахшая горечью увядающей растительности, дымом костров и вечерней свежестью, щедро дарила прощальное тепло, вызывая в моей душе жгучую злобу.

Наглухо заколоченные оконные рамы не пропускали ни одной струйки свежего воздуха. И если все обитатели интерната ловили открытыми частями тела ласковые, прощальные поцелуи солнца, вдыхали горьковатый осенний дух, шуршали подошвами по ковру из золотых монет, мне приходилось елозить грязной, воняющей плесенью тряпкой по щелястому деревянному полу. Руки сводило от холода, горячей воды в интернате не было.

Кровати, тумбочки, стулья и столы. Чтобы вымыть под ними пол, приходилось ложиться на живот, пачкая в пыли одежду. К пальцам липли чьи-то волосы, пару раз, я угодила ладонью в зловонную липкую лужу. Болела спина, плечи и голова. Хотелось просто лечь и забыться. А ведь кроме мытья пола мне предстояло протереть подоконники, выбить длиннющий палас и заправить кровати. Время неумолимо утекало, а я ни на йоту не продвинулась в наведении порядка в этой проклятой комнатухе. Пол, сколько я не елози-

ла тряпницей по деревяшкам, оставался таким же пыльным и липким, скатанный в рулон, на метр выше меня, палас, терпеливо дожидался своей очереди. Десять кроватей, развороченные, уродливые в своём беспорядке, угрожающе серели в весёлой желтизне осеннего дня, щедро сочившегося сквозь мутные оконные стёкла.

Отчаяние подкрадывалось постепенно, холодной скользкой лапой сжимая сердце, щекоча кишечник.

– Не успеешь, – хлюпала тряпка ложась на пол.

Я и сама это уже знала, но продолжала остервенело надраивать, не обращая внимания на летящие в лицо грязные брызги, на ломоту в суставах, на переполненный мочевой пузырь.

С правилами дежурства по спальне меня ознакомили утром. Краснуха объяснила, что дежурный, получивший оценку комиссии ниже пятёрки, моет полы и выбивает палас и на следующий день. И так будет продолжаться до тех пор, пока жертва плесневелой тряпки и пыльного ковра не получит заветную пятёрку.

Перевернуть матрасы, вытащить подушки из наволочек и одеяла из пододеяльников была инициатива Надюхи – белокурой грудастой девахи.

– Ленусь, мне очень не нравится, как наша Рейтуза заправляет кровать. Думаю, её нужно научить, – елеино пропела она в тот момент, когда обитательницы спальни собирались на прогулку, а я с трудом затаскивала жестяное вед-

ро, до отказа наполненное ледяной водой. Заполнить ведро так, чтобы вода переливалась за края, велела мне староста нашей спальни- всё та же великая и ужасная Ленуся.

– А это идея, – весело поддержала староста. – Вы согласны, бабцы?

Бабцам предложение Ленуси пришлось по душе. Наверняка, каждая из девушек радовалась, что немилость старосты пала не на неё. Да и смотреть на то, как унижают другого, крайне занятно и приятно, так как человек- существо жестокое. Ему доставляет удовольствие наблюдать за мучениями ближнего, ведь в это время он ощущает своё превосходство.

Ленуся и Надюха, в ту же секунду, бросились выполнять свой план, самозабвенно перекручивать простыни, переворачивать матрасы, засовывать полотенца в наволочки.

Ощущение беспомощности давило на меня тяжёлой плитой. Я сжимала жирную ручку ведра, будто этот, протёртый множеством рук кусок железа, мог мне помочь. Спорить и ругаться было бесполезно, я знала это точно. Их много, а я – одна, маленькая, слабая, беззащитная, не привыкшая к жестокости и насмешкам. Отец покрикивал на меня, придирался, но ведь рядом всегда находилась мама, которая утишала и защищала, называя кровиночкой и бедным больным ребёнком.

От этих воспоминаний на душе стало ещё гаже. Жалкое, никчемное существо, неспособное себя защитить.

Пахло недавним обедом – тушёной капустой. Во рту так

же присутствовал кисловатый привкус, и жгло в желудке. Если вчера меня тошнило от одного только запаха еды, то сегодня мой желудочно-кишечный тракт бунтовал, бурлил, ныл и горел изнутри, требуя пищи.

Звонок резкий, словно раздражённый, разрывает тишину. Всё! Не успела! Палас так и остался не выбитым, да и как бы мне это удалось, поди, спусти эдакую бандуру со второго на первый этаж, да вынеси её на улицу. Не заправленными остались и кровати. Плевать! Больше не могу! Руки уже не ноют, они режут от холода, в пояснице стреляет, а в голове бьют колокола. Встаю с пола, иду к ведру, чтобы до прихода комиссии вылить грязную воду. Нога скользит на чём-то маленьком и я падаю. Ведро выпадает из руки, переворачивается, на полу образовывается лужа. Чувствую, как моя кофта становится мокрой, как липнет к коже ткань. Лежу в луже, устало и обречённо смотрю в потолок, будь что будет.

После второго звонка открылась дверь и у входа в комнату выстроились три квадрата, красный, в котором я сразу узнала Наталью Георгиевну, белый – школьный медработник и коричневый – завуч.

– А ну, встань! – рявкнула Краснуха.

Я попыталась встать, но вновь упала. Нога опять наступила на странное нечто. Потянулась к нему и подняла чей-то носок. Чёрт! Как же это отвратительно плохо видеть. Если бы не он... Ну да ладно, что теперь об этом говорить?

– Да уж, Наталья Георгиевна, приучение детей к труду у

вас, как я погляжу, проходит успешно, – проскрипел коричневый квадрат, с кислинкой ехидства в голосе.

– Ольга Валентиновна, – зато в грубом, деревенско – развязно говоре Краснухи проступили капельки приторного мёда. – Эта девочка была, до сей поры, на индивидуальном обучении, за неё всё делала мать, даже мыла, даже трусики стирала. Представляете? Вот и приходится биться...

– Заметно, – усмехнулся белый квадрат с обманчивой весёлостью. Голосок медика был тонким и звонким, как весенняя капель, но нотки отстранённой прохладцы не оставляли никаких сомнений в том, что происходящее её ни чуть не веселит, и даже раздражает. – Единица, однозначно единица.

– Даю установку, – провозгласила завуч. – Обучить новенькую всему за неделю. Вы меня поняли, Наталья Георгиевна, Макаренко вы наш доморощенный.

Коричневый и белый квадрат исчезли, а Краснуха подскочила ко мне.

К тому времени я уже поднялась на ноги и стояла мокрая, растрёпанная, теребя в руках чужой носок.

По телу волнами пробежала гадкая дрожь. Краснуха приблизилась ко мне своё лицо, багровое, блестящее от пота, крупным носом и кустистыми бровями.

– Немедленно в класс, на самоподготовку, – процедила она сквозь зубы, несколько капель слюны упало мне на щёку, но я не решилась смахнуть их рукой, дабы не прогневить грозную воспитательницу ещё больше.

Огромная ручища ухватила меня за шиворот и потащила в коридор.

– Мне нужно сменить одежду, – пискнула я, на что Краснуха злорадно ослабилась.

– Ну, уж нет, – пропела она. – Пусть все посмотрят на тебя, такую мокрую и грязную. Весь вечер у меня будешь так ходить, дорогуша.

Грифели с хрустом протыкали ватман, шуршали страницы учебников. Муха, случайно залетевшая в окно раздражённо жужжа, просилась на волю. Мне тоже хотелось на волю, прочь от духоты, от насмешливых шепотков, от внимания Натальи Георгиевны, от грозящей мне вечерней расправы. В том, что она состоится, я даже не сомневалась. Не даром Краснуха о чём-то долго шепталась с Ленусей и Надюхой, а те, гаденько хихикали.

Задача не решалась, да и до математики ли мне было? Ой нет, не могу! Цифры смешиваются, забываются, условие кажется сумбурным. Строители, бетонные блоки. Тьфу! Тоска зелёная! Лучше литературу почитать. Итак, Александр Сергеевич Грибоедов «Горе от ума».

Но и метания Чадского, и любовные переживания Сони казались глупыми, высосанными из пальца по сравнению с моими бедами. Их-то никто не заставляет наводить порядок в комнате, где проживает десять человек и сидеть в мокрой и грязной одежде.

– Давид Львович приехал, – шепнула Надюха своей по-

дружке.

Их спины закрывали меня от взгляда Краснухи, и я была этому рада, хоть какая-то польза от этих девиц.

– А он уезжал?– голос Ленуси представлялся мне чёрным, шершавым, словно наждак. – Где он шлялся-то?

– Домой к себе уезжал, – в голоске Надюхи мне слышалось шуршание полиэтилена, к тому же она немножко пришепётывала. – У него мать умерла, отец у Давида больной, старый уже. Вот наш псих и ездил с похоронами помочь, ну и с матерью попрощаться, конечно.

– А ты, я смотрю, уже с ним и пообщаться успела?

– А то, – полиэтилен зашуршал чуть нежнее. – Я его о походе для девятиклассников спросила, мол нельзя традиции нарушать. И он сказал, что на этих выходных пойдём. Мне показалось, что он по мне соскучился. Представляешь, Давидка мне на плечо руку положил. Ведь это что-то значит, правда значит, а, Ленусь?

– Не хрена это не значит, – наждак стал ещё грубее. – Вот если он трахнет тебя во время привала – другое дело. Вот мы с Егоркой планируем все встречные кустики опробовать.

– Счастливая ты, – вздохнула Надюха, и девицы замолчали.

Я поёжилась от накатившего омерзения. Как можно всерьёз желать этого? Неужели кто-то по доброй воле способен позволить делать со своим телом такое? Но ведь в романах пишут и в сериалах показывают. И кому в таком случаи ве-

ритель, родителям – самым близким людям и желающим мне только добра, или незнакомым сценаристам и писателям? Стоп! Не надо об этом думать, лучше сосредоточусь на учёбе, а то, чего доброго, двойку завтра получу.

Книги, напечатанные шрифтом Брайля, объёмные, занимают почти половину школьной парты. Такую книжку не сунешь в портфель, не спрячешь за пазухой, не перелистнёшь небрежно страничку, послунив палец. Если руки читающего коротки, да и сам он не велик ростом, то чтобы прочесть верхние строчки, приходится привставать.

Перипетии в доме Фамусовых уступили место совершенно посторонним думам, никак к учёбе не относящимся. Я, не улавливая смысла, водила руками по выбитым на ватмане точкам, а в голове мусорной кучей пестрели обрывки мыслей. С начала я представила сплетённые в зарослях пожелтевшего кустарника тела, шуршание палой листвы и терпкий, густой дух сосновых игл. Наверное, лежать на голой земле неприятно. Листья прилипают к ягодицам и спине, иголки и мелкие веточки впиваются в кожу. Нет, я бы так не хотела. А как бы я хотела? Наверное, в спальне, на свежих простынях и огромной кровати, выпив предварительно бокал красного вина. А с кем? Ну, уж точно не с интернатскими пацанами, воняющими потом, нестиранными носками и табаком. Тьфу! Да о чём это я? Если бы родители узнали, о какой гадости я думаю, то меня бы, как пить дать, ожидало наказание, многочасовая лекция о нравственности, про-

читанная отцом и мамины слёзы.

Однажды я, так как не могла самостоятельно оценить свою внешность, спросила у матери:

– Какие цвета мне идут больше яркие или приглушённые?

Вопрос был невинным, девственным, как свежесвыпавший снег, но отец нашёл в нём зачатки испорченности.

В тот день мы сидели за столом, хлебая рисово-лучный суп, от запаха которого уже начинало мутить. Но наша семья его ела, ведь есть больше было нечего. Полки магазинов пустовали, но даже если бы они и ломались под тяжестью всевозможных деликатесов, то денег в любом случае хватило бы лишь на рис, лук да буханку хлеба. Рис проскальзывал по горлу, оставляя после себя жирноватое послевкусие, лук и вовсе не желал проталкиваться, вернее, мой организм напроць отвергал крупные, липкие пласты полусгнившего овоща. И ему- организму было непонятно, почему хозяйка над ним продолжает издеваться? Я же, отважно глотала опостылевшее варево, стараясь не морщиться, иначе отец обвинил бы меня в эгоизме и гордыне.

– Я не олигарх, чтобы кормить тебя чёрной икрой и лососями! – взвился бы он. – Ты знаешь, тварь неблагодарная, как зарабатываются деньги?!

И мне бы в очередной раз пришлось выслушать историю, как отец, однажды, пошёл на вокзал, чтобы по обыкновению продать полученную на заводе водку, а до него докопались местные бандиты. О том, как отец рискует жизнью ра-

ди нас с матерью, о том, что мать целыми днями строчит на машинки, а я лишь потребляю и постоянно что-то требую. Справедливости ради, нужно уточнить, что я никогда ничего не требовала. Да и, если честно, мне ничего не было нужно. Наряды? Куда их носить? Книги? Их мне привозил отец из областного центра. Сладостей? Стали бы мои практичные родители тратить деньги на ерунду? К тому же сахар – белая смерть. Хотя сладостей мне, конечно же, хотелось. Телеэкран во всю кричал о батончиках, набитых фундуком, жевательной резинке, делающей дыхание свежим словно морской бриз, и о шоколаде, дарящем райское наслаждение.

– Ты только послушай, что она несёт! – воскликнул отец, швыряя ложку в недоеденный суп. Брызги варева разлетелись в разные стороны. – Чем забиты её мозги! Она думает о тряпках, вместо того, чтобы работать над своим внутренним миром, развиваться духовно.

– Детка, – мягко вступила мама, пытаюсь своим вкрадчивым тоном успокоить отца, остановить шквал его эмоций. – Это неправильные мысли. Ты должна думать о более высоком. Мы с папой хотим, чтобы ты росла умненькой и культурной девочкой.

В душе всколыхнулось негодование, припылённое едкой горечью.

Я- инвалид, жалкое ничтожество, за которое уже давно решили, как ему жить, о чём думать и о чём мечтать.

– А зачем?– я постаралась придать своему голосу как

можно больше сарказма, но получилось горько, почти обреченно. – Чтобы вас порадовать? Чтобы ходить с вами к вашим знакомым и демонстрировать свои познания, встав на стульчик?

Чувство вины, а вместе с ним и чувство самосохранения безответственно сбежали, не дав мне подумать о последствиях моих высказываний.

Рабоче-крестьянский кулак папеньки ударил по столу. Жалобно звякнули тарелки и ложки, суп выплеснулся на скатерть и по капельке стекал на пол, ударяясь о линолеум.

Топ-топ, топ-топ, топ-топ.

– Неблагодарный ребёнок! С жиру бесишься! С нами ей плохо, видите ли, претят знакомые наши! А кого ты радовать хочешь, если не нас? Мужиков?

О мужчинах, в свои двенадцать лет я даже не мечтала. Мечтала о подруге, о прогулках с ней в парке, а ещё о собаке, большой и волосатой. Но родители были другого мнения.

– Детка, – увещевала мама. – Твоя душа- это чистый кристаллик, Пусть он останется незамутнённым. Все эти шмотки – пыль, мишура, главное- твой внутренний мир.

– Это был простой вопрос, причём тут мужики? Мне просто стало интересно, – орала я. Обида грызла изнутри, в носу уже начинало противно щипать от подступающих слёз.

Да с такими родителями и монастыря не надо, осталось только постричься и рясу надеть.

– Забудь о мужиках, испорченная девчонка! – грохотал

отец. – Посмотри на свою рожу, ты же в шрамах вся, а ещё – слепа, словно курица! Ты ничего не умеешь, ни на что не способна, от горшка два вершка и худая, будто скелет! Только мы – родители терпим тебя рядом, оттого что любим и готовы нести крест свой до конца жизней.

– Милая, – вклинивалась мама, нарочито ласково, нарочито спокойно, – Тебе не нужно было говорить таких слов. Когда в Москве потребовали больше денег, что мы могли предложить, а привезенную водку на моих глазах выбросили в мусорную корзину, я поехала в ближайший пункт переливания крови и сдала кровь, чтобы получить деньги. Всё ради тебя, детка. И неужели тебе так трудно быть такой, какой мы хотим тебя видеть?

В лицо бросилась удушливая краска, в ушах зазвенела, и я сквозь этот мерзкий звон, едва слыша свой голос, пролепетала слова извинения и пообещала, что больше никогда, ни при каких обстоятельствах не стану задавать такие вопросы.

Целую неделю родители не разговаривали со мной, смотрели телевизор, скрипели диваном, болтали за столом, обсуждая соседей по общежитию. Я же сидела в своём углу за шторой в ожидании их милости.

И вот в один из вечеров, мать появилась в моём углу, села на край кровати, поцеловала в лоб и произнесла речь, от которой мне стала страшно, и которая врезалась в память так глубоко, словно её выгравировали.

– Детка, – ласково произнесла мама, но от этой ласковости

по спине пробежали мураши. – Ты моя и только моя, и я не позволю никому забрать тебя у нас с папой. Пообещай, что никогда не станешь мечтать о замужестве. Милая, это просто невозможно для тебя, ты же знаешь.

Я пообещала. Мама потребовала клятвы, и я поклялась. В тот момент я была готова сказать что угодно, лишь бы мать перестала говорить со мной таким тревожным, на грани истерики, голосом. К тому же, у меня на тот момент были другие мечты.

* * *

Просмотр сериала в комнате отдыха, прогулка и ужин, ничуть не насытивший, но оставивший тошнотворный вкус прогорклого масла и подгоревшей каши во рту, остались позади. Отбой! Обитательницы нашей палаты вели себя нервно, возбуждённо, предвкушая предстоящее шоу. Я же, успокаивала себя тем, что убить меня не смогут, покалечить тоже, а всё остальное пережить можно. Как же я ошибалась!

И вновь розоватый свет фонаря, сопение и возня, кишечные газы, плач какой-то первоклашки за стеной, Может, ничего и не будет. Мало ли о чём Краснуха шепталась с девицами. Эдак я и вовсе параноиком стану. Нет, Алёна, не всё в этом мире вращается вокруг тебя.

Сон подбирался вкрадчиво, накрывая сладостной волной расслабления. Мне чудились куски жареного мяса на листе салата, ломтики томатов и толстые пупырчатые огурцы, а вокруг раздавался мягкий мужской голос: Откройте для себя

райское наслаждение!»

Я брала руками мясо, сок бежал по губам, аромат дразнил, но мои вкусовые рецепторы не ощущали ничего. Я ела и ела, не в силах насытиться.

Черноволосый смуглый парень в белоснежной рубашке очутился рядом со мной так внезапно, что я не успела ни испугаться, ни смутиться.

Я не видела его лица, не слышала голоса, но отчего-то в груди разливалось тепло, а голова кружилась от небывалого, кристально-чистого, оглушительного счастья.

Крики цикад, огромная гора, вершину которой золотят лучи заходящего солнца и вечернее перламутровое небо над головой...

– Рейтуза, подъём! – резкий голос наждаком прошёлся по нервам, вырвав меня из сновидений.

Картинка, яркая и счастливая свернулась, как рулон обоев, а я очутилась в страшной реальности. Все мои инстинкты вопили от ужаса.

– Беги или дерись! – кричали они телу.

Но глупое тело застыло, окаменело, и лишь беспомощно хлопало слабовидящими глазами. В мутной дымке едва угадывались размытые силуэты. Облитые мертвенным светом фонаря, они казались пугающе-призрачными, неживыми.

Я попыталась встать, но чья-то крепкая рука швырнула меня на место.

– Не так быстро, Рейтуза, – гоготнула одна из дебелых де-

виц, обдавая меня запахом гнилых зубов и мочи. – Мы ещё не поговорили.

– Мы по твоей милости не хотим жить в грязи, – прошуршала Надюха. – Знаешь ли, мы девушки чистоплотные. А так как миссия уборщицы ложится на твои плечи, наш долг – научить тебя всему.

По всей вероятности девицы репетировали свою речь, так как после произнесённых слов, пальцы одной из девах ловко зажали мне нос, а пальцы другой сунули мне в открывшийся рот какую-то вонючую тряпицу.

Дальнейшее происходило, словно в кошмарном сне, в алкогольном бреду.

Пробую отбиться, но мои руки слишком тонки и слабы, по сравнению с ручищами девиц. Меня удерживают на кровати, набрасывают пыльное одеяло, шерсть которого колет лицо и глаза. Я задыхаюсь, внутренности сжимает в рвотном спазме, Мир становится зеленовато-чёрным. Удары, меткие, жёсткие, сыплются со всех сторон, по голове, лицу, животу и ногам. Бьют молча, без объяснений, но с азартом и злой радостью. В голове звенит, рот заполняется вязкой слюной, из пищевода стремительно рвётся вверх недавно съеденная каша. Боль тупая вспыхивает перед глазами зелёным огнём, резкая и стреляющая – рассыпается жёлтыми искрами. Ничего нет кроме боли и темноты, кроме ударов, возникающих из неоткуда. Я умоляю своё сознание уйти, покинуть меня, хочу забыться, погрузиться в благословенные объятия обмо-

рока. И забытье, милосердное и спасительное приходит на мой зов.

Глава 3

В лесу пахло соснами, свежестью и гнилой мокрой листво́й. Закатное солнце лениво растекалось по верхушкам деревьев, но внизу уже сгущался синеватый вечерний мрак. Хотелось полной грудью вдыхать терпкий лесной аромат, слушать птиц и сухое шуршание иголок, веток и листьев под ногами, но громкое, нескладное пение обитателей интерната мешало, спутывало мысли разноцветной паутиной, создавая сюрреалистичный, до отвращения яркий кричащий узор.

Песня о матери-одиночке, плачущей над колыбелью ребёнка, исполнялась с каким-то остервенелым старанием. И поверх визжащее – рычащее –воющего хора, раздавался душераздирающий рёв Надюхи. Не оставалось никаких сомнений, для кого она так рвала голосовые связки. Меня же к участию в хоре не допустили. Во-первых потому, что не сыскала расположения Ленуси, а во-вторых – Краснуха ни на шаг меня от себя не отпускала.

– Со мной пойдёшь, малохольная, – проворчала она, хватая меня чуть выше локтя, грубо, с нескрываемым отвращением. – Потом оправдывайся перед мамашей, куда её дитятко делось.

Девушки орали песни, парни над чем-то смеялись. Учителя, все, кроме Краснухи, болтали о чём-то своём. Краснухе ужасно хотелось к ним присоединиться. Она тащила меня

за собой, как мешок, набитый опостылевшим хламом, и я то и дело спотыкалась о коряги и ветки. Порой, она бросала в их сторону реплики, задавала какие-то вопросы, и если её высказывания оставались незамеченными, сжимала мой локоть так, что всё тело пронзало болью, как от удара током. Краснуха, как выяснилось позже, двадцать лет отработала в колонии для несовершеннолетних и точно знала, куда и как давить.

Зрячие вели незрячих, осторожно обходя пеньки и ямы, предупреждали о торчащих сучьях. Мне же приходилось испытывать на себе все неровности и препятствия нашего пути. И вскоре я мысленно проклинала и лес, и заботливую Краснуху, и песню о матери-одиночке.

Почему наши желания сбываются, но не так как мы этого хотим? Может всё дело в том, что мы не правильно формулируем запрос мирозданию?

Я часто представляла себе, как иду по лесной дороге с друзьями, за спиной рюкзак, над головой синь ясного неба и скоро привал с костром, печённой картошкой и гитарой. Родители часто любили рассказывать о походах, ночёвке в палатках, булькающем в котелке супе и дружной песне взлетающей к облакам. Я завидовала им и, впечатлённая их рассказами, воображала на их месте себя, окружённую верными друзьями, свободную и здоровую.

Ну вот, Алёна, сбылась твоя мечта, лес, рюкзак, твои сверстники. Так почему же ты не радуешься?

Как же есть хочется! В желудке разрастается сосущая боль, во рту неприятно расплзается мерзкий кисло-ва-то-жгучий привкус. Будь проклята моя робость!

На обеденном привале мне удалось сживать лишь кусочек ржаного хлеба. Все сидели, поджав по-турецки ноги на расстеленных покрывалах, В железных мисках пестрела какая-то снедь, коричневая и жёлтая, красная и белая. Участники похода тут же набросились на еду. Опять же, зрячие помогали незрячим, педагоги уселись со своими припасами неподалёку и вели оживлённую беседу. Я же, с отчаянием водила глазами по площадкам, не в силах протянуть к ним руку. Что в них? Как брать, к примеру, вот это белое, ложкой или рукой? А коричневое? Его на хлеб мажут или ложкой зачерпывают. Мутная пелена покалеченной роговицы не давала ничего разглядеть, лишь смутные круги на покрывале неопределённого цвета, да расплывчатые фигуры ребят.

Но, как не крути, голод – не тётка, и к завершению трапезы, я всё же решилась протянуть руку к коричневому кругу. Мои пальцы дотронулись до хлебной мякоти.

– Положила на место! – растягивая гласные, проговорил лысый пацан в синем спортивном костюме. В голосе слышалось самодовольство, ощущение власти и жажда разрушать, давить, унижать, ради собственного удовольствия.

По спине пробежала холодная струйка пота, и, наверное, не только у меня одной. Все дружно замолчали. Было слышно, как в кустарнике закопошился какой-то зверёк, как

вспорхнула с ветки на ветку птица, как где-то неподалёку звенит комар.

Еда! Хлеб – это еда! Такой мягкий, душистый, с глубокими порами. Чёрт с белым, жёлтым и красным, я рада и коричневому!

– Мухой положила, ты, – каркнула, поддакивая, Ленуся. – Кому сказано!

Я, задвинув страх подальше, впилась зубами в податливую рыхлую мякоть. Душистый, слегка кисловатый, безумно вкусный. Пошли они все к чёрту! Почему я должна голодать? Ради чего?

– Я смотрю, ты рамсы попутала.

Внушительная фигура Лапшова перегнулась через, разделявшее нас покрывало, нависла над площадками и стаканами и выхватила из моих рук краюху.

– Отдай, придурок! – взвизгнула я. Хотелось произнести это грубо, с угрозой в голосе, но голосовые связки смогли издать лишь мышинный писк.

Никто из окружающих не спешил заступаться. Напротив, каждый пытался выдавить из себя смешок, согласный, припорошенный подобострастием.

– Зырьте сюда! – гоготнул он. – Ща я вам тут фокус-мокус покажу. Рейтуза превращается в собаку. Рейтуза, лежать!

Коричневый кусок хлеба мелькнул возле моих глаз.

– Непонятливая собака оказалась, – с притворным сожалением вздохнул Лапшов, и тут же что-то твёрдое врезалось

мне в живот. Я согнулась пополам и рухнула на землю.

В ушах зашумело, перед глазами поплыли чёрные круги.

– Молодец! – сквозь шум услышала я голос Лапшова и визгливое хихикание Ленуси и Надюхи.

Огромная ручища принялась засовывать кусок мне в рот.

– Жри, – продолжал гоготать мой мучитель. – Получай награду.

Жирные потные пальцы, воняющие табаком и мочой, вкус опороченного, осквернённого хлеба, тупая боль в месте удара.

– А ну прекратить!

Голос сильный, властный, командный, но чистый, и сочный, как весенняя трава.

Большие крепкие руки помогли подняться, смахнули с одежды прилипшую листву и сосновые иглы.

– Вы совсем, девятые классы охренели? – продолжал распекачать обладатель травянистого голоса. Здесь в лесу, на фоне кустарников и сосен, психолог Давид Львович Кирченко выглядел сурово, даже дико, ни дать ни взять – первобытный человек, вышедший на охоту, свирепый викинг сошёл на берег со своего драккара.

– Да мы просто прикалываемся, Давид Львович. Зачем так нервничать? – усмехнулся Лапшов. И в этой усмешке было всё и чувство превосходства, и едва скрываемая неприязнь, и затаённая угроза.

– Собрал посуду и марш на речку! – бесстрастно скоман-

довал мой спаситель.

– Мы не в армии, чтобы вы так с нами разговаривали, – вступилась за парня Ленуся.

– В армии я бы с вами не так говорил, Сундукова, – ответил педагог, отвернулся и ушёл. Ну и правильно, чего ему среди нас делать? А на меня, растрёпанную, униженную, в пыльной одежде и вовсе смотреть противно.

Когда вернулся Лапшов, остервенело звеня плоскими и матерясь сквозь зубы на холодную реку, мы снова отправились в путь. Ручища Краснухи, потная и липкая вновь обхватила нижнюю часть моего плеча, стирая прикосновение Давида Львовича. Мимолётное, отстранённое, но такое горячее. Неужели так бывает, чтобы человеческие руки были и мягкими и сильными одновременно? А голос? Твёрдый, требовательный. Интересно, как он разговаривает со своей женой, как в его исполнении звучат ласковые слова или комплементы? И есть ли у него жена или девушка? Тьфу! Да что это со мной? Помогли с земли подняться, иголки со штанов стряхнули, я и поплыла розовой лужицей, слюни распустила. В лицо запоздало бросилась краска стыда. Голос Давида Львовича едва пробивался сквозь девичье истошное вытьё, он о чём-то оживлённо болтал с физручкой, коротко стриженной, худощавой тёткой с зычным грудным голосом.

– А мне очень нравится, – говорила она, стараясь перекрыть, одуревший от свободы и чистого воздуха хор. – Ведь это – наша жизнь, всё, как есть.

– А вот и нет, Зинаида Семёновна, – смеялся викинг. – Современные авторы пишут книжки на потребу публике, о ментах и о ворах, о золушках, подцепивших мужичков с большими кошельками. Литературный мусор – одним словом. Вы еще предложите эту пакость в школьную программу внести.

– Ну не всё же Лермонтова вашего читать, – вмешалась Краснуха, волоча меня за собой.

Боль вспыхивает внезапно. Вот моя нога цепляется за очередную корягу, Ручища математички неумолимо тянет вперёд, я неловко заваливаюсь на бок. Боль. электрическим разрядом, жгучими лучами разбегается по нервам. Голеностопный сустав, голень, бедро. Вскрикиваю и шлёпаюсь пятой точкой на сосновые иглы и шишки. Край одной из них врежется в ягодицу, но это ерунда по сравнению со жгучими лучами.

Хор замолкает, песня обрывается на половине слова.

– Вставай! – раздражённо орёт математичка, тянет за руку, злобно, с едва скрываемой яростью. – Неуклюжая идиотка, нужно было тебя в школе оставить!

Пытаюсь подняться, но боль выстреливает с новой силой, и я валюсь на землю.

– Блин, – недовольно протягивает кто-то из ребят. – Опять с Вахрушкиной возятся.

– Не человек, а ходячая проблема, – поддерживает Надюха.

– Нет, – продолжает негодовать Краснуха, не успевая

подавить отрыжку, и меня обдаёт капустным выхлопом. – Сколько слепых идёт, и никто не додумался упасть. А эта... И ведь остаточное зрение есть.

Боль придаёт мне смелости.

– Ну, простите, что я не до конца ослепла, – произношу, глядя снизу вверх.

– Она ещё и дерзит! – взвизгивает Краснуха. – Нет, вы посмотрите только!

Давид Львович наклоняется надо мной, и я чувствую запах его туалетной воды, свежий, с нотками грейпфрута и кедра.

И вновь прикосновение горячих рук, жёсткое, деловитое, но от него сердце начинает колотиться сильнее, а к щекам приливает кровь. Боль отступает, но на смену ей приходит странное сладостное ощущение, небывалое, какое-то постыдно-взрослое.

– Нет бы, первую помощь оказать, – ворчит психолог, накладывая тугую повязку. – А то, раскудахтались, как куры.

– Давид Львович, не забывайтесь, – скрипит Краснуха, и в этом скрипе слышатся и досада, и неловкость, и стыд за собственную несдержанность.

А я уже плыву, качаюсь на волнах удовольствия, млею в тепле его рук. Он несёт меня бережно, но так, будто моё тело ничего не весит.

Сладостное чувство нарастает, вплетается в мозг, бежит по венам, сжимает сердце, бьётся тысячей разноцветных ба-

бочек в животе.

Девахи вновь затянули песню, но уже о Наташке, которая увела парня. Текст песни выстреливает яростно, воинственно, словно девицы отправлялись эту самую Наташку бить.

Краснуха и физручка оживлённо болтали о садово-огородных делах, ножках Буша, которые достал чей-то муж, и о прохуdivшихся сапогах.

Молчание между нами казалось мне натянутым, но Давид Львович молчал, позволяя мне краснеть и задыхаться от странных, душащих, и плавающих меня, эмоций.

– А вы не похожи на психолога, – неожиданно для себя выпаливаю я, и тут же густо, хотя куда уж гуще, краснею.

Вот дура-то! Кто тебя за язык тянул? Нашла мальчика! А ну как подумает, что кокетничаю. Вот умора будет! Полуслепая, со шрамами на щеках замухрышка к педагогу клеится!

– А на кого похож? – в мягкой сочной траве его голоса, мелькнули тёплые, озорные солнечные зайчики.

Так-то, Алёнушка, сказала «А», говори и «Б», в следующий раз, будешь молчать. Да и к чему молоть языком, если сказать нечего? Ты никогда не была остроумной и находчивой. Душа компании, интересный собеседник- не про тебя. Ты – серая мышь, чьё место в уголке за пыльным шкафом, так что сиди тихо и не высывайся!

– Глядя на вас, создаётся впечатление, что вы вот-вот закричите «Панки, хой!»

– Как-то закричал, потому я и здесь.

Ох уж эти солнечные зайчики, тёплые, юркие, шаловливые. Вот только всю резвились в густой траве мужского голоса, как вдруг переместились к самому моему сердцу, глядя его тёплыми пушистыми лапками.

– Вы так говорите, будто бы вас в ссылку отправили.

– Что-то вроде того. Когда тебя после окончания института на три года распределяют туда, куда ты даже не планировал, да и вообще не подозревал о существовании такого места, действительно начинаешь считать себя ссыльным.

– А вам здесь не нравится?

Ну вот, опять! И чего я человеку в душу лезу? Какое имею на это право? Алёна, заткнись, пожалуйста, заткнись! Но боль отступила, тепло огромных рук успокаивало и дарило иллюзию безопасности, чистый лесной воздух дурманил голову усилившимися ароматами хвои, почвы и осенней листвы, и от того, меня охватила странная эйфория.

– Скучаю по дому, по своему городу.

Серебристые росинки нежности блеснули в зелени. Давид Львович искренно любил свой город, незамутнённой, беззаветной сыновней любовью. Интересно, а ещё к кому он может испытывать такие чувства? Смог бы он вот так, открыто, всем сердцем полюбить девушку? И какой должна быть эта девушка, удостоившаяся подобной любви? Вот только задавать эти вопросы не стоит, не совсем же я спятила.

– И где ваш дом? – спросила и уставилась на него, ожидая ответа. Неужели на Земле есть города, которые можно так

любить, о которых говорят с таким трепетом в голосе, с такой нежностью?

Ранние осенние сумерки окутали лес шёлком цвета индиго. Синие сосны, синяя листва под ногами, синие люди. Скажочно, жутко, таинственно. Звуки стихли, лишь порой зловеще вскрикивала ворона, шуршали подошвы, да раздавались голоса обитателей интерната. Природа же, погасила все звуки, замерла, в ожидании ночи. Ночь зазвучит иначе, не так легкомысленно и радостно, как день. Она сдержанна, сурова и серьёзна.

– Даю подсказку, этот город описывается в произведениях «Двенадцать стульев» и «Герой нашего времени».

– Я не читала, – пришлось признаться мне.

Чёрт! Опять это проклятое смущение, скоро щёки обуглятся! Ответ дурака!

– Очень тебе завидую.

Я не могла видеть его лица, но почувствовала, как учитель улыбнулся, светло, открыто, по-мальчишечьи беззаботно. Так улыбаются свободные, самодостаточные гордые люди.

– Почему завидуете?

– Потому, что я их давно прочёл, а у тебя всё впереди.

– Как вернёмся, обязательно зайду в библиотеку, – пообещала я, и тут же устыдилась своего порывистого тона. Ещё, не дай бог, подумает, что я к нему клеюсь или подлизываюсь.

– Дерзай, тем более «Герой нашего времени» вы скоро бу-

дете изучать.

Напомнил о наших статусах, я – ученица, он- педагог и никак иначе. Будто бы я об этом забыла. Не беспокойтесь, уважаемый Давид Львович, я никаких иллюзий на ваш счёт не питаю.

Вновь повисло неловкое молчание. Молчи, Алёна, даже если тебе хочется разорвать этот полог тишины, опустившийся на нас.

К моему облегчению, вскоре перед нами открылась небольшая поляна, где Давид Львович велел остановиться на привал. Началась суета. Кто-то устанавливал палатки, кто-то занялся костром, кто-то разбирал рюкзаки, вытаскивая нехитрую походную снедь. Желудок напомнил о себе радостным предательским урчанием. Именно оно и спровоцировало очередную вспышку раздражения Надюхи.

– Вахрушкина, – прошипела она, низко наклоняясь. Огромные груди, словно две гигантские груши повисли в аккурат над моей головой. В густых сумерках её кожа казалась синей, а волосы голубыми. – Ты ведь у нас только жрать горазда. Вон другие ребята трудятся, а ты уже, небось ложку приготовила. Даже слепые помогают. Наташа консервы вскрыла, Артём с Давидом Львовичем палатку ставят. А что в походе делаешь ты? Жрёшь, сидишь ровно на заднице да заставляешь себя на руках носить. Не стыдно?

Ярость взбурлила, резко, гадостно. Её отвратительно-горькие пузыри с тухловатым привкусом обиды подня-

лись по пищеводу, заполнили рот, чтобы превратиться в слова и обрести свободу.

– Благодаря вам – моральным уродам, я осталась сегодня голодной, так что едой попрекать меня не нужно. А о том, чтобы тебя – корову жирную носили на руках, даже не мечтай. Для этого нужно сесть на диету. Жопа Лапшова на завтрак, жопа Ленуси – на обед, чем не диетическое питание?

Слова сыпались, подобно горошинам, и остановиться, подумать о последствиях, было уже не в моей власти. Горошины ускользали, прыгали в синеву сентябрьского вечера, терялись в покрывале из сухих игл и листьев.

Надюха издала звук, какой обычно раздаётся при сдувании воздушного шара.

– Смотри у меня, дорогуша, – сквозь зубы процедила она. – Со мной нельзя так разговаривать. Я ведь быстро тебе наказание придумаю.

Тень, нависшей надо мной фигуры исчезла. Я слышала, как тяжёлая поступь девахи отдаляется, направляется куда-то к, начинающему свою пляску костру.

Весёлые голоса, вкусный запах дыма, звон котелков, шуршание бумаги, скрип и щелчки, раздавленных множеством ног, сухих веток и шишек.

Мне возле костра места не было. Моё место рядом с родителями, они были правы, тысячу раз правы.

Угроза Надюхи не выходила из головы. И если Ленуся была туповатой и прямолинейной, то её белокурая подруж-

ка могла проявить все чудеса коварства. Она будет мстить, изощренно, изобретательно. С особым старанием.

Осень – есть осень, и вместе с сумраком приходит, характерная для сентября средней полосы, сырость и прохлада. У костра, наверняка сейчас было весело, тепло и уютно, но идти туда, где я никому не нужна, где меня вновь подвергнут унижениям и насмешкам не хотелось. Попробую отсидеться здесь, на этом жёстком неудобном пне до утра, авось, задницу о дерево не натру. А в кармане куртки, остались семечки, вот ими и поужинаю. Говорят, в них содержится витамин «Е», очень полезный и важный витамин, между прочим. А на то, что телом овладела неприятная дрожь, что замёрзли кончики пальцев на руках и ногах, можно просто не обращать внимания. В конце концов, сейчас не зима, так что не околею. Дикие звери здесь тоже не водятся, наверное. А если водятся? Лисы, например? Лисы не агрессивны, но могут быть больны бешенством. К костру не подойдут, а вот к одиноко сидящей мне...

В ближайшем кустарнике что-то зашуршало. А если бешенная лиса? Ну вот, Алёнка, вновь ты себе приключение на задницу нашла!

Ну почему у меня всё так, по- дурацки, складывается? За что меня невзлюбила Краснуха, почему я стала изгоем среди одноклассников?

В какой-то книге я прочла, что испытания и трудности нам даются для того, чтобы человек начал двигаться вперёд,

искать какие-то пути и совершенствоваться, как личность. И в этом случае нужно спрашивать не «За что?», а «Для чего?» Будем искать ответы, всё равно заняться больше нечем. Ни скрежет же ложек о миске и песни слушать, в самом деле? Итак, на меня свалилось всё это, чтобы я стала сильнее? Но разве унижения могут сделать человека сильным? Напротив, это может сломать, уничтожить самооценку, взрастить в нём страхи, сделать покорным, убить всё живое и доброе, что в нём ещё теплилось. А может, мне посланы испытания для того, чтобы указать мне моё место? И где же оно? Подле родителей! Я – объект их скорби, я – их несбывшиеся надежды, я – их крест, их боль, их тема для разговора со знакомыми и друзьями, я – клей соединяющий двух, уже растерявших любовь и страсть, супругов. Я то, что их объединяет, сплачивает и не даёт разойтись, иначе, мать бы уже давно сбежала от отца к бывшему директору швейной фабрики. Не зря он часто приходил к нам с ножками Буша и импортным маслом в пластиковой баночке, не даром сидел подолгу на нашей кухне на диване и молчал, а у матери всё валилось из рук.

Но разве я не достойна счастья? Видимо – нет! Кому-то нужно быть и клеєм, и крестом. Не всем выпадает такая удача – быть отдельной, самодостаточной личностью.

– Это что ещё такое? – раздался в темноте строгий голос.

Куртка Давида Львовича легла мне на плечи. Меня окутало теплом его тела, запахом кедра и кожи. И я тут же сомлела в этом тепле, расслабилась. Всё тело заныло в незнакомом

доселе чувстве томления.

– А куртка-то почти новая, – мимолётно подумалось мне. – И дорогая, наверное.

Но вслед за этой мыслью тут же пришла и другая:

– Надюха меня порвёт, как Тузик грелку, если вдруг увидит.

– Спасибо, не нужно, – промямлила я, пытаюсь сбросить с себя дорогое изделие швейной фабрики.

– Даже не думай сбросить, – пресек мои попытки психолог, нажимая обеими ладонями на плечи, от чего сердце пропустило удар, а голову повело. – Идём к костру, Алёна, нечего здесь сидеть.

Меня вновь подняли на руки и потащили туда, где было многолюдно, тепло и оранжево. Дыхание перехватывает, в голове вспыхивают разноцветные радостные салюты, в животе трепещут бабочки, и я млею, хочу прижаться крепче, хочу раствориться в его руках, слиться.

– Прекрати! – мысленно кричу я себе. – Не смей! Это неправильные, стыдные ощущения!

А вот и костёр, и учителя, и ребята.

Ну, всё, мне не жить. А куртка у него огромная, да в неё с десяток таких Алёнок влезть может. Чёрт! Ну чего этот Кирченко ко мне прицепился, сидела я на пенёчке, никого не трогала.

А печёная картошка и пшенная каша оказались невероятно вкусными. Таким же чудесным был и чай.

Костёр весело потрескивал, его языки плясали в сгустившейся тьме, исполняя свой неизменный, древний, как сам мир, танец.

Огонь, вскрики ночных птиц, шелест листвы, разговоры учителей и одноклассников, лица которых кажутся вылитыми из бронзы.

– А спойте что-нибудь, – елейным голоском пропела Надюха.

Ребята одобрительно загудели. Что-то большое и светло-жёлтое пошло по кругу и остановилось в руках Давида Львовича.

– Что спеть, Надя, – спросил психолог.

Все наперебой принялись выкрикивать названия песен. Даже Краснуха и физручка попытались сделать свой заказ, но их голоса потонули в криках учеников.

– Заткнитесь! – взвизгнула Надюха. – Вы разве не слышали, Давид Львович спросил меня?

Толпа подростков, наверняка догадываясь о неразделённой любви белокурой красотицы к учителю, дружно загоготала.

– Давид Львович, – пытаюсь перекрычать ржание одноклассников заговорила Надюха. – Я бы хотела услышать песню « Спи, мой мальчик маленький».

Тьфу! И дался ей этот мальчик? Опять эти стенания матери-одиночки! Других песен что ли не знает?

– У-у-у, – весело протянул психолог, перебирая струны. –

Это для меня- высший пилотаж, Надя. Боюсь не справлюсь с таким шедевром.

– Да пофиг что, – выкрикнул Артём. – Пойте то, что вам самим нравится.

– Ну, хорошо, – Давид Львович ударил по струнам, звук растёкся в сгустившейся лесной темноте, поднялся куда-то ввысь, к самым верхушкам сосен. – Сами напросились. Итак, группа «Король и шут» песня «Лесник».

Страшная история о парне, заплутавшего в лесу и попавшего в дом жестокого сумасшедшего лесника была жуткой, щекотала нервы. И казалось, что вот- вот, из темноты чернеющего леса, раздастся волчий вой.

Песня в исполнении Давида Львовича звучала словно заклинание. Он, подобно древнему шаману изгонял всё злое, всё дурное и страшное. Он пел, и в такт его голосу танцевали острые языки пламени, рукоплескали кустарники, и подвывал ветер, запутавшийся среди сосновых стволов.

В тот миг я чувствовала себя счастливой, живой и свободной. Я была частью этого леса, одной из сосновых иголок, кусочком чёрного неба, каплей звенящего ручья, искрой костра. Я ощущала себя частью, нужной и неотъемлемой чего-то большого и сильного.

Это ощущение радости и полёта оставалось со мной до того момента, пока я не вошла в палатку.

Полная рука, с обманчивой ласковостью змеи обвила мою шею, а к уху прикоснулись тёплые губы, щекоча дыханием.

– Милая Алёнушка, – прошелестел приторный голосок. – Запомни, месть – это блюдо, которое подают холодным. За всё нужно платить, дорогуша. И ты заплатишь дорогой ценой.

Наверняка, этих зловещих фраз Надюха нахваталась из бразильских сериалов. И это бы выглядело довольно смешно, если бы угрожали не мне.

– Сейчас все уснут, – шептала Ленуся, делясь планами с подружкой. – И я пойду на свиданку с Егоркой. Мы неподалёку такие кустики нашли...

В палатке уже раздавалось сопение, сонное бормотание, на поляне трещал костёр, и его оранжевое свечение брезжило сквозь зеленовато-коричневые тканевые стенки. Я то открывала, то закрывала глаза, стараясь уснуть, пытаюсь убедить себя в том, что Надюха ещё не охладила свою месть и даже не приготовила, и опасаться мне нечего. Но сон не шёл, а шёпот двух подруг вклинивался в мозг, мешал забыться.

– Рейтуза совсем охренела, – жаловалась Надюха. – Липнет к моему Давидушке, как банный лист. Видела, нет, ты видела, как он её на руках таскал? Я эту сучку урою, собственными руками.

Сердце сжалось в предчувствии чего-то гадкого, тревога холодными противными струйками побежала по спине, растеклась в животе, прямо в том месте, где недавно порхали бабочки.

– Да нужна она Давидке, как собаке пятая нога, – отмах-

нулась Ленуся, с наслаждением потягиваясь и зевая. Зевок у Ленуси получился глубоким, счастливым и умиротворённым. Эта девица была вполне довольна и собой, и собственным местом в этом мире. – Ты рожу её видела? Да она вся покоцаная. Кому такое уродство приглянуться может?

– Ты, правда, так считаешь? – обрадовано пискнула Надюха. – А я? Я ему могу приглянуться?

– Ты можешь, – авторитетно заявила Ленуся. – Вон, сиськи у тебя какие! Эх, были бы у меня такие сиськи...

Надюху, видимо, этот ответ вполне удовлетворил, так как больше вопросов не последовало, и подружки замолчали. Мне же, отчего-то, было неприятно это слушать. И на мгновение, я ощутила жгучее желание разодрать на множество окровавленных кусков Надюхино богатство.

– Только бы Давид Львович не повёлся на эти дынеобразные сиськи, – мелькнула дурацкая мысль.

Но в тот же миг, я постаралась изгнать её из своей головы. Да какое мне, собственно, дело до Надькиной груди и черно-волосого психолога? Пусть сам разбирается, нужны ли ему дыни этой девахи или нет. Подумаешь, тёплый голос, крепкие горячие руки и вокальные данные. Что же теперь, из-за всего этого превращаться во влюблённую дурочку?

Стены подъезда окрашены в тёмно-зелёный и густо усеяны надписями, оскорбляющими честь и достоинство некой Иры, восхваляющими Виктора Цоя и утверждающими, что Генка из десятой квартиры – козёл. Пахнет жареной кар-

тошкой, квашеной капустой, табаком и плесенью. Стучусь в дверь, обитую красным дермантином. Такая дверь только у Юли. У Юли всё самое лучшее, всё самое красивое и пинал, и ластик, и тетрадки. Да и вообще, Юлька- лучше всех. И если она сейчас мне не откроет, если перестанет со мной дружить, я не переживу. Конец нашей дружбы станет концом всему.

– Юля, открой! – кричу я, молотя кулачками по двери. Кулаки мягко ударяются о красный материал, проваливаются в него, и я боюсь, что Юлька может не услышать.

– Юля, ну не обижайся!

Она часто любила так делать, надувать губки на пустом месте, отворачиваться, не слушая ни извинений, ни доводов, и убегать. Я же, всегда бежала за ней, стучала в дверь, умоляла открыть, надеясь на милость подруги. И милость оказывалась. Юлька, с видом королевы, открывала дверь, приглашала войти, и мы пили чай с лимонными леденцами и слушали магнитофон её брата.

Минуты у закрытой двери были для меня самыми страшными, самыми напряжёнными. Я их боялась, и по тому, старалась угодить Юльке во всём. Но ни моя покорность, ни моя преданность не спасали. Всё чаще и чаще Юлька, голенастая высокая девчонка, с милыми русыми кудряшками и распахнутыми, словно в удивлении голубыми глазами, убегала, захлопывая красную дверь перед моим носом. Всё дольше мне приходилось ожидать её прощения.

– Юля, открой, пожалуйста! Я же просто пошутила, я не хотела тебя обидеть.

Нет ответа. Заперта дверь, клокочет лифт, кто-то бросил мусор в мусоропровод. Сквозь мутное оконце в тёмное нутро подъезда сочится белый свет пасмурного дня.

Шаги на лестнице, мерные, осторожные. Они приближаются, становятся громче и громче, метрономом отсчитывая секунды до ужасного, неизбежного. Иррациональный страх охватывает, сжимает в холодных тисках. Чувствую омерзительный дух чего-то сладковатого. Таких запахов в своей жизни я не встречала, но почему-то знала, что именно он причина моего страха.

Знаю, что не смогу убежать, и тот, кто сейчас поднимается по лестнице, догонит, настигнет на любом этаже. Бью из всех сил по красному дермантину.

– Юля, открой! Открой!

Но дверь остаётся глуха. Бегу к чёрной, стучусь в неё, но вновь нет ответа. Потом бросаюсь к деревянной. Дерево ребристое, жирное и липкое от множества прикосновений.

– Помогите! Помогите!

Резкий рывок, и я валюсь на заплёванный пол. Надо мной склоняется огромный детина в спортивных штанах и пожелтевшей майке-алкоголичке. Из подмышек торчат болотного цвета мокрые от пота волосы. И запах, густой, страшный, приторный. Он окутывает меня, парализует.

Лицо детины искажено в свирепой гримасе, в глазах пле-

щется безумие, изо рта вытекает длинная полоска слюны.

Колено, обтянутое синей тканью штанов упирается мне в живот, огромная волосатая ручища фиксирует запястья над головой, и последнее, что я вижу – кухонный нож. На его поверхности отражается мутный белёсый свет, и боль... Страшная, безумная, безграничная боль. Я кричу, уже погрузившись во тьму, чувствую, как по лицу бегут струйки чего-то горячего и солёного, затекают в открытый рот, и язык ощущает привкус металла.

– Дыши! Всё нормально, мы сейчас в лесу, а тебе просто приснилась какая-то пакость.

Голос спокойный, но твёрдый вырывает меня в реальность. Кольцо рук сжимает крепко, дыхание щекочет висок. Пляшет весёлый костёр, отбрасывая блики на поверхность сосновых стволов. Над головой, подобно гигантской вороне, раскинула крылья ночь. Пахнет смолой, палой листвой, дымом и грейпфрутом.

– Пей, – мне протягивают железную кружку с чаем.

Зубы стучат о край, я глотаю терпкую жидкость, невольно прислушиваясь к ударам собственного сердца. Все спят. Никто не проснулся, разбуженный моими криками, и это немного успокаивает.

– Я пойму, если ты откажешься рассказать мне о своём сне. Но если ты, всё же, захочешь это сделать, буду тебе очень признателен.

Как отказать этому голосу, этой горячей, огромной ладо-

ни, сжимающей мои дрожащие пальцы? И я говорила. О маленькой однушке, где я жила с родителями, о нашем городке, о том, как мы с Юлькой собирали бутылки, сдавали их в магазин с большими, во всю стену, стеклянными окнами, а на вырученные деньги покупали жвачки. О красной двери в Юлькином подъезде, о, напавшем на меня, наркомане, о раздавленных горем родителях, о больницах и операциях. О поездке в Москву и долгом ожидании профессора, о маминых попытках всучить ему несколько бутылок водки и отрез шёлковой ткани, лишь бы тот взял меня на операцию побыстрее. О том, как дары были безжалостно отправлены в огромную мусорную корзину. О том, как мать, оставив меня слепую и голодную в больничном вестибюле, куда-то надолго ушла, моём долгом и мучительном ожидании. О том, как мать вернулась, но уже более уверенная, твёрдая, не такая нервная, о их тихом разговоре с профессором, шуршании купюр и больничной палате. О том, как меня тошнило после наркоза, о повязке на глазах, от которой чесались веки. О торжественном снятии повязки и моём разочаровании, ведь я смогла увидеть лишь размытые разноцветные пятна и неясные очертания. Мой мир, когда-то яркий и чёткий, потом – непроглядно-чёрный, стал мутным и расплывчатым, словно я глядела сквозь замороженное стекло.

О том, как врач сообщил, что сделал всё, что мог. О слезах матери, о её навязчивых страхах за меня и мою безопасность, о неприязни и какой-то детской обиде отца, об одиночестве

и упорном изучении шрифта Брайля.

– Ты чувствуешь себя виноватой перед родителями, я правильно тебя понял?– спросил Давид Львович, после того, как я окончила свой рассказ.

– Да, – пришлось признаться мне. – Виноватой и обязанной.

Чёрт, чёрт, тысячу раз чёрт! Сажу рядом с симпатичным парнем, и пусть даже я не вижу его лица, для меня он симпатичен в любом случае, и обнажаю душу, трясущим домашним халатом и тапками. Да уж, Ленуся права, такая, как я никогда не приглянется такому как он. Жалкая, униженная, изуродованная с кучей комплексов. Хотя, плевать! Я – не дура Надька, чтобы мечтать о любви. Давид- психолог, целитель душ, вот и пусть работает! Не всё же ему о своём городе мечтать. А всё-таки интересно, что это за город такой?

– А знаешь, приходи ко мне на психокоррекцию, – голос Давида Львовича улыбался, и был таким же оранжевым и весёлым, как скачущие пики костра. – Прейдешь?

Предложение выглядело заманчиво, провести с ним рядом какое-то количество времени, слушать его голос, а если повезёт, то почувствовать прикосновение руки. Но нет, ни к чему тешить себя иллюзиями. Он- просто школьный психолог, которому мечтается свалить из этой дыры в свой чудесный горячо любимый город. Я – несчастная девочка, непринятая одноклассниками, лишённая зрения наркоманом, некрасивая и слабая.

– Нет, – ответила я, для пущей убедительности покачивая головой,

– Почему?– в голосе парня почудились нотки недоумения, смешанные с обидой. – Ты мне не доверяешь?

Это прозвучало настолько трогательно, беззащитно и растеряно, что в груди у меня сладко заныло. Большой, в чёрной футболке и джинсах, облитый светом огня, он отчего-то напоминал пса, свирепого, сильного, но приручённого и преданного.

– Давайте на чистоту, – вздохнула я, наступая на горло своим потаенным, глупым желанием. – Чем вы сможете мне помочь? Будите учить улыбаться, через не хочу? Или искать во всём позитив? Простите меня, но это полная хрень. Одноклассники меня не примут, как бы я не лыбилась, Красну... то есть Наталья Георгиевна – тоже.

Сказала и ощутила, как душа покрывается пылью безысходности и безнадеги.

Я встала и побрела к своей палатке, хромя и спотыкаясь о невидимые моим глазам шишки и ветки.

В сон провалилась сразу, и на этот раз снилось мне что-то серое, тягучее, неопределённое, но очень печальное.

Глава 4

Подъём. В воздухе витает тяжёлый и густой дух ночного сна, нечищенных зубов и человеческих тел. Скрипят кровати, шелестит одежда, голова тяжёлая, словно булыжник, и такая же бесполезная. Собираемся молча. Никто не болтает, не шепчется, не хихикает. Это всё потом, а пока, каждому хочется побыть в одиночестве, отгородиться от остальных, создавая иллюзию, хоть какую-то видимость личного пространства.

Железные раковины выстроены в один длинный ряд. Ледяная вода колотит по ним из проржавевших кранов, капли отскакивают, падают на грудь. Одежда становится мокрой, липнет к телу. Зубные щётки скребут по зубам, и словно стоворившись, сразу несколько ртов сплёвывают пасту. Холод обжигает лицо, сковывает руки. А ведь сейчас только ноябрь, что же будет в декабре или январе? За спиной уже топчутся те, кому не хватило раковины. Уступаю место какой-то малышке с огромными белыми бантами. Вафельное полотенце по-казённому грубое, впитавшее в себя запахи нашей палаты, влагу не впитывает, лишь царапает кожу.

Унитаз, тот, что в рабочем состоянии всего один. Остальные три заполнены зловонной жижей. Хлюпают и клокачут бочки под потолком, густой жёлтый свет единственной лампы растекается по стенам, полу. Мы будто бы в банке, на-

полненной до краёв топлёным маслом. Кто-то усиленно тужится. Очередь терпеливо ждёт, не торопит, время ещё есть. Встаю в самый хвост, прислоняюсь к холодным кафельным плитам, стараясь не вдыхать отравленный миазмами воздух. Веки склеиваются, руки и ноги слабеют. Как же я устала от всего этого! От тяжёлого, неустроенного быта, от невозможности побыть в одиночестве, всегда на виду, всегда, даже во время сна и во время пробуждения, даже в туалете, когда ты наиболее уязвим, тебя окружают люди. А ещё эти мелкие пакости со стороны соседок по палате. Клейстер в баночке из под шампуня, песок и комья земли в постели, жвачка на стуле. Каждый шаг с оглядкой, каждая минута в напряжённом ожидании подвоха. Этой ночью я опять не спала. Стоило лишь забыться, отдаться волнам подступающей дремоты, как тело вздрагивало, подскакивало на панцирной сетке. Уверяла себя, что уснуть необходимо, что в окно уже брезжит неуютный, сизый рассвет поздней осени, и скоро утро, но от этих мыслей становилось хуже. Тело протестовало, начинало дрожать. Пролетевшие, как один миг осенние каникулы лишь раздражили меня теплом, покоем, тишиной и едой. Все две недели мама кормила меня ножками Буша, желтоватыми, с резким мясным запахом, от которого рот наполняется вязкой слюной. Амброзия, еда богов!

В стены интерната вернулась с тяжёлым сердцем, и не зря. Мелкие пакости со стороны девушек посыпались, как из рога изобилия. Новый день – новая пакость. Несколько раз в

неделю с нашим классом проводились психологические тренинги. То мы передавали друг другу тарелку, наполненную водой, под звуки нежной, трогательной печальной музыки, то смотрели фильм «Чучело», а потом обсуждали чувства героини, обыгрывали кусочки сюжета. Причём роль всеми униженной девочки играли то Ленуся, то Надюха, то Лапшов. Участие последнего вызывало дурашливый смех и множество скабрёзных шуточек. Я догадывалась, на что направлены все эти занятия, и чего хотел от 9А психолог. Вот только все его усилия оказывались тщетными. И во мне с каждым очередным занятием росло понимание того, что и сам психолог не верит в свою работу, считая её пустой тратой времени. Пару раз он предлагал мне индивидуальную консультацию, но я угрюмо отказывалась. К чёрту его сладкий голос, к чёрту этот одурманивающий запах, и бабочек, начинающих порхать в животе, при его появлении тоже туда же. Да, у меня разыгрались гормоны, к чему себя обманывать. Ничего страшного, поиграют и перестанут. Это, как прыщи, не ковыряй, не дави, и сами высохнут и отвалятся.

Столовая закрыта. Дежурный класс накрывает столы к завтраку. Пахнет сбежавшим молоком. Стоим, ждём. В желудке вспыхивают и взрываются вулканы. Хочется хлеба, мягкого, пористого, душистого. Главное, чтобы никто не отобрал. Ну, когда же, когда? Открывайте эту чёртову дверь! Сколько можно возиться?! Кто-то из ребят начинает колотить по грубо-покращенной деревяшке двери, к нему присо-

единяется ещё несколько человек.

– Жрать! Жрать! Жрать! – дружно скандирует толпа.

Наконец нас запускают. Обитатели интерната шумно и нетерпеливо занимают свои места. Столовая наполняется чавканьем и стуком ложек.

Слипшиеся макароны скользкими червями проползают по горлу, молоко, в котором они плавают жирное, пахнет гарью. Единственное, что можно съесть с удовольствием – хлеб. Глотаю большими кусками, пытаюсь заглушить гадкий вкус молочного супа. Чай сладкий, полу – остывший, Но я пью его жадно, смакуя каждый глоток.

Урок социально-бытовой ориентировки, или просто СБО – дисциплина, введённая в школах для детей с ограниченными возможностями. Именно на этих уроках детей обучают бытовым премудростям. Как пришить пуговицу, не используя зрение? Как сварить суп вслепую? Как постирать и погладить свою одежду? Как почистить обувь?

Сегодня мы квасим капусту. Парни, весёлые, раззадоренные солнцем и свежим воздухом, то и дело вваливаются на кухню, принося со школьного склада огромные кочаны и морковь, с грохотом кидают их на пол и спешат вновь на склад.

Наша задача – нашинковать капусту и морковь, и погрузить всё это в железные баки. Капуста готовится на зиму. Из неё будут варить рагу, щи, печь пироги и давать в качестве салатов.

В светлом просторном помещении царит оживление, стучат ножи, смеются девушки, ворчит повариха, учительница – высокая пожилая дама со скрипучим и гнусавым голосом даёт распоряжения. Утреннее солнце бьёт в окна щедрым мощным потоком. День обещает быть ясным.

Нажимаю лезвием ножа на рыжий брусок морковки. Но вредный овощ отпрыгивает с доски, и я едва не ударяю себе по пальцам. Кладу морковь на место, делаю ещё одну попытку, но результат тот же.

От солнечного света вечная муть перед моими глазами кажется более густой, расплывается неприятными, гадкими в своей назойливости, радужными пятнами.

– Держи морковь крепче, поставь лезвие ножа рядом с пальцами, а теперь отодвинь его чуть дальше. Нажимай.

Раздражение училки присыпано брезгливостью, будто бы перед ней сидит гадкий слизняк, воняющий гнилью. Я стараюсь выполнять всё, что она требует. Блин, а ведь мама делала это каждый день. Её нож весело и проворно стучал по доске, а мне даже и в голову не приходило, насколько это трудно – резать овощи. Хотя мама всегда говорила мне, что нож – очень опасная вещь, и брать его в руки мне не следует. Ведь я очень плохо вижу, и могу порезаться.

– Теперь опять, отодвинь лезвие от пальцев и нажимай.

Руку, держащую нож сводит судорогой от напряжения. Пробую перехватить рукоять поудобнее, но пальцы словно окаменели.

– Ты так и будешь сидеть. Гоняя морковку по столу?– скрипит над моей головой голос училки. – И не стыдно, такая взрослая, а резать овощи не умеешь?

Стук ножей и смех стихает. Девчонки обращаются в слух. И каждая на моём фоне, должно быть, кажется сама себе великой кулинаркой, доброй и умелой хозяйюшкой. Да как же всё это надоело, твою мать! Хочу домой, туда где спокойно, размеренно и тихо. Туда, где не нужно ждать очереди, чтобы сходить в туалет, мыть полы и получать тумачков ночью. Туда, где нет Ленуси и Лапшова, держащих в страхе половину школы, где не скрипят в ухо престарелые тётки, обозлённые на весь мир, но считающие себя его спасителями.

– Только благодаря труду человек может стать личностью, – зудит, пронзительно, почти на одной ноте училка. Голос кислый, как перебродивший компот. – Ты привыкла, что всё за тебя делает мамочка, и ждёшь того же от нас. Но нет, дорогуша, ты ни чем не лучше остальных, и будешь трудиться наравне со всеми. Да кто так нож держит, безрукая ты неумеха! Ох, каких идиотов безмозглых сюда присылают, мамочки мои! Не пялься на морковку, всё равно ничего не видишь. Ой, и слепая, и тупая, надо же! Режь! Чего сидишь? Труд из обезьяны человека сделал!

Надоело! Надоело! Надоело! Да меня так за всю мою жизнь столько не унижали, как в этом проклятом интернате за каких-то три месяца! Я никому не делала зла, я просто пришла учиться, хотела найти друзей, стать частью чего-то

большого, целого. Хотела жить нормальной жизнью, как все. Нет же! Во мне увидели слабую жертву, повесили ярлык груши для битья. Ну, раз спасение утопающих – дело рук самих утопающих, будем спасаться! Я больше не позволю себя унижать! Ярость поднималась во мне медленно и неотвратимо. Красной бурлящей волной смела чувство самосохранения, вины и страха, заглушила голос разума.

Запах свежих овощей, ослепительный солнечный свет и размытая фигура училки, серая и длинная, как фонарный столб.

– Из всех сделал, а про вас забыл, – слышу собственный голос, будто бы со стороны. Всё, я вступила в бой, а значит, идти на попятную поздно. – Вы так обезьяной и остались. Визгливой, злой и невоспитанной.

– А ну повтори, – угрожающе визжит фонарный столб.

Встаю. Медленно поворачиваюсь и хватаю серую ткань монашеского одеяния наставницы. Ткань грубая, колючая, плотная. Мне повезло, мои пальцы зацепили резинку юбки. Оттягиваю, тяну на себя.

– От чего же и не повторить, – усмехаюсь я, сжимая нож другой рукой едва касаясь лезвием оголенного живота. Сердце стучит в висках, дрожат от напряжения руки, чувствую, как в груди становится тесно, не хватает воздуха.

– Ещё одно слово, старая макака, и я проткну твоё тощее пузо.

Тишина, оглушительная, неправильная, неестественная

сгустилась в воздухе. Казалось, что её можно разрезать ножом.

– Что ты делаешь, мерзавка! – рывкнула повариха и я услышала грохот её мощных шагов. Скорее всего она намеревалась отнять нож.

Чёрт! С двумя разозлёнными бабами мне не справиться. А ещё, чего доброго, и одноклассницы помочь решат. Но одноклассники, молча наблюдали.

– Никому не приближаться! – заорала я, и сама же уловила истерические нотки в своём голосе, солёные, на грани срыва. Ярость потихоньку отпускала, а на её место подползало отчаяние и опустошение. – Иначе, я продырявлю эту макаку или любого из вас!

Все застыли, и я сочла это добрым знаком.

– Что, штанишки обмочили? – смех вырывался из груди болезненными толчками, он царапал, застревал в горле, но я выталкивала его из себя, и он падал в сгустившуюся тишину, растворяясь в ней. – А вас кромсать будет гораздо интереснее, чем морковку, вы согласны?

– Положи нож, – отдельно произнесла училка. – Успокойся, Вахрушкина.

– А я вас не понимаю, уважаемая макака, – ещё один карябающий смешок вылетел наружу. – Что вы хотите от слепой да ещё тупой?

Макака икнула, как мне показалось жалко и просительно. Рукоятка ножа стала мокрой, но я продолжала сжимать её

во вспотевшей ладони. Не выпустить, не в коем случае не выпустить!

– Проси прощения, старая ведьма! – рычала я, слегка надавливая на кожу, жаль, капельку выступившей крови мне не увидеть. Ну, да и фиг с ней, с кровью. Главное- страх, тягучий, с тухловатым запашком, тяжёлый, принадлежащий не мне.

– Прости, Алёна, – заблеяла старуха. – Мы – учителя – народ нервный. Не злись.

Покладистость макаки, а я решила что называть её буду так и только так, меня не насторожила, а зря. Не насторожил и звук открывающейся двери, и приближающиеся шаги. Я упивалась своей победой, своим триумфом, по тому, сильный рывок назад, резкая боль в руке и выпавший из неё нож, стали для меня неожиданностью.

Всё произошло быстро, очень быстро.

Чьи-то крепкие руки валят меня на пол, затем поднимают и тащат. Я бьюсь, кусаюсь и царапаюсь. Крою матом и училку, и весь этот проклятый интернат, и придурков-одноклассников. Меня окутывает запахом знакомым, приятным. Грейпфрут и кедр! Вот только мне плевать! Он такой же как все! Он- враг. Пытаюсь впиться ногтями в лицо, но не вижу его, лишь светлое пятно, обрамлённое чёрными волосами.

Лестничные пролёты, ступени, перила, двери кабинетов. Всё пролетает мимо.

Наконец, психолог толкает одну из дверей, и мы оказы-

ваемся в небольшом кабинетике. Голубизна неба льётся на стены, стол и потолок, пахнет бумагой, всё тем же ароматом мужской туалетной воды и травами. Моё визжащее и царапающееся тело сгружают в мягкое кресло, и в тот же миг, силы оставляют меня. По телу растекается болезненная слабость и серое тягучее и липкое безразличие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.